

ЧИСТЫЕ СЕРДЦА

Илья Петровых
Чистые сердцем

«Автор»

2026

Петровых И. С.

Чистые сердцем / И. С. Петровых — «Автор», 2026

Россия, 1905 год. Время, когда старый мир доживает, а новый поднимается в крови и огне. На переломе эпох сталкиваются добро и зло, верность и предательство, любовь и ненависть. Судьба сводит людей, оказавшихся по разные стороны баррикад, но связанных одной древней тайной. Молодой Алексей должен доказать своё право на место в этом мире. Он ещё не знает, что в недрах России веками дремлет старая сила — та, что ждёт своего часа. Сила, способная изменить всё. Это история о пути, о выборе, о том, какую цену приходится платить за свои убеждения. О столкновении миров, где нет однозначно правых и виноватых. И о том, что настоящее испытание всегда приходит оттуда, откуда не ждёшь.

© Петровых И. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сибирь. 1905 год.	5
Глава 2. Санкт-Петербург. 1905 год.	10
Глава 3. Сибирь 1905 год.	14
Глава 4. Сибирь 1905 год.	20
Глава 5. Санкт-Петербург. 1905 год.	27
Глава 6. Сибирь. Иркутск. 1905 год.	32
Глава 7. Санкт-Петербург. 1905 год.	38
Глава 8. Сибирь. Иркутск. 1905 год.	43
Глава 9. Санкт-Петербург. 1905 год.	50
Глава 10. Санкт-Петербург. 1905 год.	56
Глава 11. Сибирь. 1905 год.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Чистые сердцем

Глава 1. Сибирь. 1905 год.

Кабинет Василия Пашнова был таким же, как и он сам: без излишеств, прочным и дельным. Пахло древесиной, кожей да табаком. Василий стоял у окна, сжимая в руке испещрённый цифрами лист. Смета. Первая, доверенная сыну. И вот – пустое кресло за конторским столом напротив.

Глухое раздражение, знакомое и едкое, подступило к горлу. Он резко дёрнул за шнур колокольчика. Через мгновение в дверь вошёл слуга.

– Позови ко мне отца Матвея. Сейчас же!

Василий не оборачивался, продолжая смотреть в окно на стройные ряды амбаров и поднимающиеся ометы соломы – зримое воплощение его порядка и воли. Он взял отца Матвея, когда того вышвырнули из консистории за какие-то вольные мысли. Соблазн был велик: знания у опального священника – уровня столичных академиков, а плата – лишь кров и хлеб. Услуга, оказанная в трудный час, которая должна была рождать не зарплату, а преданность. И сейчас Василий чувствовал, что эта тонкая договорённость нарушена.

В кабинет вошёл отец Матвей. Его поношенная ряса была безупречно чиста, а взгляд – спокоен и глубок, как омут.

– Василий Петрович, – тихо поздоровался он.

Пашнов медленно повернулся. Он не предложил сесть.

– Батюшка, – его голос был ровным, но каждый звук отточен, как лезвие. – Я нанял вас учить моего сына. Учить уму-разуму. Чтобы был наследник, а не балбес.

Он бросил на стол смятый лист сметы.

– А теперь скажите мне. Где этот мальчишка?

Задний двор имения Пашновых был их настоящим королевством. Здесь, за высоким дощатым забором, пахло не чернилами и не воском из кабинета отца, а нагретым на солнце деревом, пылью и свободой.

В центре площадки, залитый потом и счастьем, стоял Алексей. В шестнадцать он уже обещал стать настоящим богатырём – не грубой силой Прохора, а выточенной, жилистой мощью. Широкие плечи, узкие бёдра, и каждый мускул на руках и торсе был вылечен не гантелями в душном кабинете, а настоящей работой – колкой дров, ношением мешков с зерном, косьбой. Отец, отправляя его «в наказание» на угодья, сам того не ведая, выковал из сына статую, достойную античного скульптора.

Но главной была не физическая оболочка, а то, что скрывалось за ней. Его лицо, с резкими, но благородными чертами, загорелой кожей и упрямым подбородком, освещалось парой глаз невероятного цвета – ярких, как синее зимнее небо над Сибирью. В них светился острый ум, упрямство и какая-то внутренняя, неистребимая честность. На него можно было злиться, но невозможно было не уважать. Мужчины видели в нём рождённого лидера, а женщины... женщины теряли голову, едва встретив этот пронзительный, прямой взгляд.

– Ну что, Ваше Величество, корону не снесло? – раздался насмешливый голос.

Это был Гриня. Худощавый, как тростинка, он вертелся рядом, словно змея. Его весёлые, плутоватые глаза следили за каждым движением. Он ловко подскочил и, картинно изогнувшись, сделал вид, что поправляет невидимую корону на голове Алексея.

– Молчать, шут гороховый, – беззлобно огрызнулся Алексей, смахивая пот со лба. – А то заставлю с Прохой бороться.

Словно из-под земли, вырос Прохор. Он был не просто большим, он был монолитом – широкоплечим, с руками, похожими на окорока, и добрым, простодушным лицом, на котором почти всегда играла улыбка.

– Я аккуратно, – заверил он своим глуховатым, спокойным голосом, и от этих слов стало смешно – настолько несочетаемым был его облик с понятием «аккуратность».

– Ладно, хватит игр! – Алексей принял стойку, его умные глаза сузились, оценивая «противников». – Гриня, покажешь тот подсекающий удар? А то в прошлый раз я еле устоял.

Гриня мгновенно преобразился. Шутка слетела с его лица, взгляд стал сосредоточенным и острым. Он был гением импровизации в драке, его скорость и ловкость компенсировали недостаток веса.

– Смотри, Алексей, всё просто, – он сделал обманное движение, а затем резко и чётко продемонстрировал приём.

Прохор в это время молча наблюдал, как страж их маленького царства, его сила была не для нападения, а для защиты. Для этих двоих – своенравного барица и шустрого сироты – он был каменной стеной.

В этот момент они были не барином и крестьянскими парнями. Они были тремя друзьями, слившимися в одном порыве – стать сильнее, быстрее, лучше. И для Алексея эти уроки во дворе были куда важнее всех смет мира.

Сцена была в самом разгаре. Алексей, отрабатывая показанный Гриней подсекающий удар, едва не отправил Прохора в мягкое падение, но богатырь устоял, лишь добродушно покачивая головой.

– Мощно, Алексей! Ещё чуть – и я бы грохнулся, как мешок с мукой!

– Мешок с мукой! – тут же подхватил Гриня, грациозно перекатываясь через плечо и вскакивая уже у самого забора. – Ты, Проха, и есть тот самый мешок, который мать велела принести! Ты же с утра за ним пошёл? Где он?

Прохор вдруг замер, и его доброе лицо исказилось маской неподдельного ужаса. Он шлёпнул себя ладонью по лбу.

– Точно! Маменька-то говорила! Я... я мимо амбара пробежал, Гринька крикнул, я и забыл!

– Ах ты, сиволапый межеумок! – раздался с порога кухни голос, от которого у всех троих кровь стыла в жилах.

На крыльце, заслонив собой дверной проём, стояла Катерина Петровна. Женщина статная, косая сажень в плечах, с руками, знавшими цену и тесту, и дубине. Лицо её, обычно румяное и приветливое, сейчас пылало гневом, а глаза метали молнии. Она была настоящей «русской бабой», которая и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдёт, и любому, от барина до императора, правду-матку в глаза резанет без обиняков.

– Я тебе, балбесу, два часа назад наказала! – прогремела она, сходя со ступеней таким грозным шагом, что земля, казалось, содрогалась. – Мука для просфор к завтраму нужна, а ты тут как конь непряженный, с благородными, да дураками валандаешься!

Все трое замерли по стойке «смирно», как на параде. Даже Гриня, обычно неугомонный, вжал голову в плечи и смотрел на кухарку с подобострастием затравленного зайца.

– Маменька, я щас... я мигом... – начал было Прохор жалобным шёпотом.

– Молчать! – Катерина Петровна взмахнула рукой, и Прохор инстинктивно пригнулся. – Щас у тебя мигом уши загорят, бестолочь! Иди за мешком, да смотри, не просыпь по дороге, а то сама из тебя котлеты наделаю!

Не говоря ни слова, Прохор ринулся к амбару с такой скоростью, какой от него никто не ожидал.

Катерина Петровна перевела свой грозный взор на Алексея. Гнев в её глазах поутих, сменившись на строгое, но не лишённое доли уважения неодобрение.

– А вам, барин Алексей Васильевич, тут нечего мешки пинать. Ваш батюшка, Василий Петрович, вас по всему имению ищет. Весь дом на ушах. Так что извольте явиться, да поживее. У него лицо такое, что молоко в кринке скиснет.

Алексей кивнул, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Он уже сделал шаг к дому, когда голос Катерины Петровны снова остановил его.

– И ты, Гриня, чего уставился, как мышь на крупу? Думаешь, раз сирота, тебя работа обойдет? – она ткнула пальцем в сторону двора. – Марш за Прохором! Донести мешок – дело парное. А потом дрова колоть. Работы – непечатый край, а сил у вас, как вижу, в избытке!

Гриня, не изображая уже ни шута, ни пройдоху, безропотно потопал вслед за Прохором. Катерина Петровна, удовлетворённо фыркнув, развернулась и тяжёлой поступью направилась обратно на кухню, на ходу бросив через плечо:

– И чтобы через пять минут ни души здесь не было! Слышали?

Двор, ещё минуту назад звонкий от смеха и ударов, мгновенно опустел и затих. Власть Катерины Петровны была безоговорочной.

Кабинет погрузился в предвечернюю тишину, нарушаемую лишь потрескиванием поленьев в камине. Василий Петрович сидел за своим массивным столом, но взгляд его был устремлён не на разложенные сметы, а на небольшой, в потемневшей от времени серебряной оправе, дагерротип*.

На фотографии, вечно улыбаясь, смотрела на него женщина с ясными, как у Алексея, глазами и мягкими, добрыми чертами лица. Анна. Его Аннушка. Жена, которая умерла восемь лет назад, в ту злую, морозную зиму, когда лихорадка косила людей без разбора, не щадя ни крестьян, ни дворян.

Василий взял рамку в руки, и его грубые, привыкшие к тяжёлой работе пальцы с неожиданной нежностью обвели хрупкий контур её лица.

«Вот видишь, Анечка, опять у нас с ним... неладно», – мысленно начал он, и его привычно твёрдый внутренний голос дрогнул, стал тише, обращаясь в ту единственную инстанцию, где он позволял себе слабость. – *«Не жалуясь, нет. Жаловаться – не в моих правилах. Просто... тяжело без тебя. Одному».*

Он отвёл взгляд на пламя в камине, будто находя в них силы продолжать этот безмолвный разговор.

«С хозяйством, с именем – я справлюсь. Я всё могу. А вот с ним... С нашим Лёшкой...» Он тяжело вздохнул. *«У тебя всё получалось. И за учёбой его уследить, и в строгости держать, когда надо, и... позволить ему быть озорным мальчишкой. Ты находила на всё время. А я... Я знаю лишь одно – долг, порядок, дисциплина. Иначе всё, что мы с тобой строили, рассыплется в прах. Я должен сделать из него мужчину, хозяина».*

В горле встал ком. Он сглотнул, но голос в голове стал ещё более надтреснутым.

«А он... он уже привык к моей строгости. Научился с ней жить. Отвечает – «Понял, батя!», а в глазах – буря. И я вижу, что ему не хватает... тебя. Твоей ласки. Твоего совета. Того, чему я, старый солдат, научить не в силах. Как найти к нему путь, Аня? Как убедить, а не приказать? Ты бы знала... Ты бы нашла слова».

Он снова посмотрел на её фотографию, на вечную улыбку, которая, казалось, хранила все ответы.

«Без тебя тяжело, родная. Не потому, что одиноко. А потому, что я ломаю его своим характером и не умею по-другому. Прости меня... за это».

Василий Петрович медленно, с неохотой, поставил рамку на место, словно закрывая дверцу в тот единственный миг, где он позволял себе быть просто мужем и отцом, а не баринем и суровым воспитателем. И снова стал тем самым Василием Пашновым, чьё слово – закон, а

лицо не должно выражать ничего, кроме решимости. Но в глубине глаз, на мгновение, отразилась никому не видимая боль утраты и растерянности.

Алексей стремительно влетел в сени, скинул запачканную землёй рубаху и с головой окунулся в деревянную кадку с ледяной водой. Встряхнув мокрыми волосами, как сторожевой пёс, он насухо вытерся, натянул чистую белую рубаху и суконную безрукавку. Страх не было. Ни капли. Не от неуважения – отец был для него кремнёвой скалой, о которую можно было отточить характер, но которую невозможно сдвинуть. Просто Василий Петрович с детства вбивал в него: «Страх – предатель. Смотри ему в глаза, и ты уже сильнее его. И только тогда ты – мужчина». Алексей смотрел.

Он вошёл в кабинет, остановился перед столом и чётко, по-военному, кивнул:

– Батя, искал?

Он приготовился к привычной схеме: отдать честь, выслушать гневную тираду молча, принять вердикт – будь то лишение трапезы или очередная «ссылка» на покос. Он мысленно уже отгородился, ушёл в себя, в ту внутреннюю крепость, куда не доставали отцовские упрёки.

Но сегодня всё пошло не по плану.

Василий Петрович не кричал. Он не вскакивал из-за стола. Он сидел, откинувшись в кресле, и его пальцы медленно барабанили по столешнице. Его взгляд, тяжёлый и пристальный, изучал сына с ног до головы.

– Ну что, – голос отца был тихим, и от этого лишь опаснее. – Можешь объяснить?

Алексей, застигнутый врасплох нарушением ритуала, на мгновение сбился. Он ожидал грозы, а получил ледяную тишину перед бурей.

– Объяснить что? – осторожно спросил он, сбиваясь с приготовленной внутренней партии.

– Не притворяйся, – Василий Петрович не повысил тон, но каждое слово било точно в цель. – Ты прекрасно понимаешь, о чём я. Я ждал тебя в конторе три часа назад. Ждал с готовой сметой. А ты... где ты был?

Он сделал паузу, давая вопросу повиснуть в воздухе.

– И прежде чем начать мямлить что-то про «задержался», ответь мне на один вопрос. Как ты думаешь, почему я тебя вызвал? Не «за что», а именно – почему?

Вопрос отца повис в воздухе, тяжёлый и точный, как гиря. И так же мгновенно в голове у Алексея выстроился ответ. Четкий, выверенный, как строчки в той самой смете, которую он не доделал.

«Почему он меня вызвал? Потому что я – его единственный сын. Единственный наследник всего, что он построил здесь, на этой земле, с нуля. Долгожданный продолжатель рода Паиновых».

Мысли текли быстро, обретая ясность, которую он никогда не высказывал вслух.

«И дело не в грамоте о дворянстве, не в этом клочке бумаги. Дед получил его за переселение, мы не князья, не Рюриковичи. Наше дворянство – личное, непотомственное. Его нельзя просто унаследовать, как сундук с деньгами. Его нужно заслужить. Службой. Гражданской или военной. Отец всегда говорил, что это – лишь формальность, пропуск в мир, где решаются судьбы».

И тут в его внутреннем монологе прозвучал голос отца, суровый и неумолимый, как будто Василий Петрович стоял у него за спиной: *«Запомни, Лёшка. Главное – не право наследовать, а ответственность, которую ты наследуешь. Не земля, не титул. Эти люди»* – и в воображении Алексея всплыли лица Грини, Прохора, Катерины Петровны, всех крестьян в имении – *«их жизни, их благополучие, хлеб в печи и крыша над головой их детей – всё это зависит*

от барина. От тебя. Вот что ты должен принять. И вот что ты сегодня подвел, безответственно променяв на мальчишескую забаву.

Алексей поднял взгляд и встретился глазами с отцом. В его синих, зимних глазах не было ни страха, ни вызова. Было понимание.

– Ты вызвал меня – сказал он тихо, но твёрдо, – потому что я не сдержал слово. И каждое не сдержанное слово – это трещина в доверии тех, кто на нас полагается.

Василий Петрович внимательно выслушал сына. Суровые складки вокруг его рта смягчились, а в глазах мелькнуло нечто, отдалённо напоминающее одобрение. Он кивнул, коротко и чётко.

– Верно мыслишь. Доверие – не пустой звук. Его, как доброе полотно, годами ткут, а порвать можно в один миг. – Он откинулся в кресле. – Рад, что ты это понимаешь. Мысли – правильные. Но за мыслями должны следовать дела.

Отец положил ладонь на лежавший на столе лист с недоделанной сметой.

– К утру. Чтобы к завтраку он лежал здесь, проверенный и переписанный начисто. И как только я его одобрю, ты сразу отправляешься в Иркутск.

– Сезон подходит к концу, – продолжил Василий Петрович, – а зимой и без того высокие цены взлетают до небес, да и доставка по зимним дорогам встаёт в копеечку. Нужно успеть закупить всё необходимое, пока не закрылась навигация по Ангаре.

– Возьмёшь своих дружков – Гриньку и Прохора, – распорядился отец. – Силы и смекалки им не занимать. И отца Матвея с собой. Он человек бывалый, грамотный, в конторах не растеряется. Пусть присматривает за вами и поможет в расчётах. Это не увеселительная прогулка, Алексей! Тебе придётся разговаривать с иркутскими купцами, с приказчиками в конторах. Торговаться, проверять счета, не дать себя обмануть. Это твоё первое по-настоящему важное дело. Не подведи.

Глава 2. Санкт-Петербург. 1905 год.

Петербург встречал его не невским туманом, а вязким, удушающим смрадом большой политики и человеческих пороков. Комнатка на Гороховой была его кельей и его наблюдательным постом. В ней было чисто, даже опрятно: простой деревянный стол, застеленный скромной, но чистой скатертью, топчан с туго набитым сеном, прикрытый серым армейским одеялом. Всё было расставлено по своим местам с педантичной аккуратностью, словно он до сих пор боялся, что его вышвырнут вон, и потому должен был держаться за этот крошечный островок порядка любой ценой.

И лишь одна вещь в этой комнате казалась чужой, выбивающейся из строя. Толстая, в потрёпанном кожаном переплёте книга – Евангелие – лежала на краю стола, присыпанная крошками хлеба, как будто её только что в спешке отшвырнули или случайно задели. Она не находила себе места в этом вымученном порядке, словно сама вера, которую она олицетворяла, была ему уже тесна, отвергнута, но всё ещё не отпускала.

Он стоял на коленях посреди комнаты, высокий, костистый, залитый тусклым светом керосиновой лампы. Его фигура казалась слишком крупной для этого скромного жилища. А его лицо, с пронзительными, почти чёрными глазами на вытянутом, обрамлённом тёмной бородой лице, было тем центром, куда невольно притягивался взгляд, но на котором невозможно было задержаться – становилось не по себе. Эти глаза видели слишком много, они прожигали, и в них читалась бездонная, старая боль, в которой тонули и ярость, и какая-то страшная решимость.

Большие, жилистые кисти его рук, испещрённые следами крестьянского труда, были сложены для молитвы. И в этих руках всё казалось маленьким и хрупким.

Из его груди вырывались слова молитвы. Голос был низким, грубоватым, идущим от самой земли, от пашни. Но в этом голосе была странная, пронзительная чистота и сила. Если бы слышать его, не видя обладателя, можно было представить себе сурового, но святого старца. Этот голос рождал безотчётное доверие; ему хотелось повиноваться, ему хотелось верить.

– Господи, помилуй! Господи, очисти! – слова лились горячо, искренне. Он впивался пальцами в свои мощные плечи, словно пытаясь вырвать из себя ту черноту, что копилась внутри. В эти мгновения он был тем Григорием, что нашёл когда-то в вере единственное прибежище, тот, кто часами мог читать Писание в сельском храме, чувствуя, как божественный свет омывает его израненную душу. Вера когда-то спасла его от безумия, дала ему упокоение и смысл.

Но едва затихали последние слова молитвы, как в тишине начинали звучать другие голоса – настойчивые, властные. Они шептали о другом, о силе, что должна была прийти не свыше, а из самых тёмных глубин.

«Укажи путь, Отче!» – мысленно взывал он, сжимая виски пальцами. *«Дай знак! Верни мне тот покой, что был у меня в храме!»*

Но знаков не было. Лишь наваждение – река, красная, как кровь, и огромный, исхудавший медведь, рвущий на куски двуглавого орла. И тот самый голос, что сулил силу для свершения правды – его правды.

С рыданием, в котором смешались отчаяние и ярость, Григорий ударил кулаком по полу. Потом замер, тяжело дыша. Медленно поднявшись, он подошёл к столу. Его рука потянулась к Писанию – поправить, отряхнуть крошки, вернуть ему почётное место. Но пальцы лишь дрогнули в воздухе, так и не коснувшись переплёта. Он отвернулся, погасил лампу и лёг на топчан, глядя в потолок широко открытыми глазами, в которых шла непримиримая война.

После утренней молитвы Григорий с особым тщанием привел себя в порядок. Он знал – сегодняшняя встреча может перевернуть всё. Мысль о родном селе, о ветхой, покосившейся

церквушке, о том, что дети крестятся под дырявой кровлей, жгла его изнутри. *«Во что бы то ни стало, – сурово напоминал он себе, расправляя складки своей простой одежды. – Ходатайство на строительство передал, рекомендательные письма от знакомых священников тоже. Теперь только он, владыка, решает».*

Ему сказали: без одобрения епископа даже документы к рассмотрению не примут. Всё висело на волоске.

Он вышел на улицу. Утренний Петербург был полон людьми – чиновниками, спешащими по делам, купцами, извозчиками. И многие оборачивались ему вслед. Высокий, бородатый, с пронзительным взглядом и осанкой, в которой угадывалась не гордыня, а какая-то внутренняя, незыблемая твердыня, он не мог остаться незамеченным. Григорий уже научился не обращать на это внимания, отгораживаясь стеной сосредоточенности. Но глубоко внутри, в том уголке души, где таилось старое, ещё не истреблённое тщеславие, ему было приятно. Этот смешанный с опаской интерес, это почтительное внимание – всё это было данью не ему, грешному, а той силе, что в нём ощущалась.

Дорога к зданию Духовной академии монументальному, внушительному, олицетворявшему собой всю мощь и непоколебимость официальной церковной власти – показалась на удивление быстрой. Его ноги, казалось, сами несли его к цели, не чувствуя ни усталости, ни сомнений.

И вот он уже у тяжелых, резных дверей, за которыми решалась судьба его просьбы, его села, его замысла. Сделав глубокий вдох, Григорий переступил порог.

На входе его остановил монах-привратник.

– К кому и по какому вопросу? – спросил он, окидывая Григория сдержанным, но внимательным взглядом.

– Григорий Ефимович Распутин, прибыл к епископу, для встречи, – прозвучало в ответ.

Голос его был ровным, но в нём была такая непоколебимая уверенность, что, казалось, сам воздух вокруг сгустился. Монах на мгновение замер, будто колеблясь. И тогда Григорий добавил, не повышая тона, но вкладывая в слова стальную волю:

– Сообща, да поживее!

Он тут же внутренне содрогнулся от собственного поступка. Он не хотел пользоваться этим даром – этой силой, что рождалась на стыке веры и тьмы, заставляя людей подчиняться. Но когда все двери закрыты, а цель так важна, человек и сам не замечает, как переступает черту, оправдывая себя высшей необходимостью.

Монах замер на мгновение, его взгляд стал отрешенным, будто замороженным. Затем он резко кивнул и, не задавая больше вопросов, произнес:

– Прошу, проходите за мной.

«Странно» – мелькнуло в голове у Григория, пока он следовал за монахом по длинному коридору. Такого резкого результата еще не было – обычно требовалось больше усилий, больше... нажима. Либо эта непрошенная сила набирала в нем обороты, крепла с каждым днем, либо этот молодой послушник был одной из тех впечатлительных душ, что сами рвутся навстречу любому проявлению воли, лишь бы не нести бремя собственных решений. Второе было даже страшнее – такие люди становились самыми преданными, самыми безрассудными последователями. И самыми легкими жертвами.

Монах проводил его до тяжелой дубовой двери и, молча указав на нее, поспешно ретировался. Григорий вошел без стука.

Кабинет был просторным, но аскетичным. Высокие потолки, темные стены, уставленные книжными шкафами, и тяжелый письменный стол, заваленный фолиантами и бумагами. За этим столом, склонившись над рукописью, сидел епископ Сергей. Мужчина лет сорока, с умным, одухотворенным лицом, обрамленным аккуратной темной бородой. Его облачение

было безупречно, а во всей его осанке читалась глубокая, сосредоточенная серьезность. Он не заметил вошедшего, полностью погруженный в чтение. Губы его шептали слова Писания:

– Не ревнуй лукавнующим, не завиди делающим беззаконие.....уклонися от зла и сотвори благо...

Голос епископа был ровным, но в нем слышалась усталость от тяжести этих слов. Он сделал небольшую паузу, собираясь с мыслями для следующей строки, и в этой тишине прозвучал голос Григория.

Тот же псалом, но в его устах он зазвучал иначе – не как заученная молитва, а как живая, страстная речь. Грубый тембр обрел некую пронзительную чистоту и силу, заполнившую все пространство кабинета:

– Ищи мира и стремись к нему...

Епископ Сергей резко поднял голову. Его умные, пронизательные глаза широко раскрылись от изумления. Он смотрел на этого странного мужика в поношенной одежде, который стоял посреди его кабинета и с такой властной простотой завершал цитату из Псалтири. Взгляд владыки выражал не столько неодобрение, сколько глубочайшее потрясение. Это был не вызов, не святотатство – это было... знание. Глубинное, идущее от самого сердца знание священных текстов, облаченное в голос, от которого пробежали мурашки по коже.

Епископ Сергей медленно поднялся из-за стола. Это было неосознанное движение – порыв, вызванный глубоким потрясением.

– Епископ Сергей, – представился он, всё ещё не отрывая изумлённого взгляда от гостя.

– Григорий Распутин, – ответил тот, оставаясь на месте. – Прибыл в Петербург для прошения на строительство церкви в селе Покровском.

Но владыка, казалось, не слышал этих слов. Он был настолько поражён этим странным человеком, его голосом и поразительным знанием Писания, что деловая сторона встречи отошла на второй план.

– Прошу, присаживайтесь, – епископ жестом указал на кресло напротив, снова опускаясь в своё. – Откуда вы, Григорий? Что... что вас ведёт? Расскажите о себе.

В его голосе звучало неподдельное любопытство. Он откинулся на спинку кресла, готовый слушать.

– Я из сибирской глухомани, владыка, – начал Распутин, усаживаясь. – Из Тобольской губернии. Вёл меня Господь. Скитался по святым местам, на Афоне был, в Иерусалиме... Искал. И нашёл, что вера – она не в стенах монастырских, а тут, – он приложил руку к груди.

– Сибирь... – епископ задумчиво произнёс, глядя на него с новым интересом. – Я, признаться, в тех краях не бывал. Но до нас доходят слухи, что тамошний простой народ... что доверие его часто обращено не столько к Богу, сколько к чему-то иному. К тёмным силам, что ли. К знахарям, к бабкам-шептухам. Суеверия крепки.

В его словах не было осуждения, скорее – попытка понять. Он смотрел на Распутина, словно пытаясь разгадать, к кому из двух категорий – божьих людей или «иных» – относится этот загадочный сибиряк.

Григорий не мог обманывать епископа. Да и не хотел. В его сердце жила искренняя, пусть и странная, не укладывающаяся в каноны, вера.

– Владыка, – начал он, и в его голосе вновь зазвучала проникновенная убежденность, – а может, все блага, что в мире есть, и дает нам их Господь, и ведет он к ним своею рукой... так может, и те знахари, о коих вы слышали, – всего лишь орудие воли Его? Простые люди боль свою церковным книгам не доверят, а человеку, который рукой своей раны лечит или словом душу врачует... они верят. И разве вера сия, пусть и через темное стекло, не к Нему же ведет?

Он умолк, дав владыке вдуматься в его слова. А затем, увлеченный собственным красноречием, ослепленный удачей – *«как вовремя я вошел, как метко процитировал псалм, как*

завладел вниманием самого ректора академии!» – Григорий вдохновленный собой же, продолжал:

– Всяк человек на пути своем... может быть и сосудом греха, и... проводником воли Божьей. Иной раз и сам не разберешь, где кончается пророк и начинается... знахарь. Иной раз и в простом мужике из глухой деревни Господь может явить свою силу так, что иным ученым мужам и не снилось.

Он произнес это с показным смирением, опустив взор, но внутренне ликуя от собственной смелости и от того, как искусно он бросает эти слова в душу владыки. Тщеславие, с которым он боролся утром, вновь ослепило его, заставив переступить ту грань, за которой искренняя вера превращалась в тонкую игру.

Епископ Сергей, всё ещё находясь под впечатлением, кивнул, в его глазах читалось глубокое размышление.

– Мысль ваша... имеет право на существование, – осторожно признал он. – Пути Господни неисповедимы, и орудием Его воли может стать любой сосуд...

В этот момент дверь кабинета тихо приоткрылась, и вошёл тот самый монах-привратник.

– Владыка, простите, пора на службу, – почтительно напомнил он.

Григорий тут же поднялся с места.

– Не смею вас более тревожить, владыка. И так отнял у вас много времени, – сказал он с подобострастным наклоном головы, уже поворачиваясь к выходу.

– Пойдите, Григорий, – окликнул его епископ. – По поводу вашего прошения мы обязательно поговорим. Скажите мне, где вы остановились, и я сообщу вам о следующей встрече. Обещаю, подключу все возможные рычаги для этого благого дела.

– Храни вас Господь! – низко склонил голову Распутин, называя адрес на Гороховой. – За вашу помощь и доброе слово низко кланяюсь.

Но, выйдя в коридор и оставшись один, он сжал кулаки. Внутри всё закипало от досады. *«Про церковь... про самое главное я и забыл!»* – с горечью корил он себя, чувствуя, как тщеславие вновь затуманило его истинную цель.

Глава 3. Сибирь 1905 год.

Первый солнечный луч, бледный и холодный, пробился в окно кабинета и упал на голову Алексея, дремавшего за отцовским столом. Он вздрогнул и поднял голову. Перед ним, аккуратно переписанная начисто, лежала смета. В воздухе витали запахи ночи – остывшего воска лампы, чернил и усталости.

Он потянулся, слыша, как хрустят позвонки, и с удовлетворением посмотрел на свою работу. Смета получилась небольшой, но вымученной. Всю ночь ему пришлось перебирать кипу заявок от бригадиров, которые, по старой привычке, старались выпросить втридорога – гвоздей вдвое больше, сукна на десять аршин сверх меры. *«Всегда проси в два раза больше, барин потом урезает, но всё равно даст больше, чем надо»*, – с улыбкой вспомнил Алексей слова отца, учившего его видеть за цифрами эту простую мужицкую хитрость. Он безжалостно вычеркивал лишнее, оставляя лишь необходимое.

Но сложнее всего было добавить то, о чем в заявках не писали, о чём забывали до самой беды. Тут приходилось соображать самому, вспоминая прошлые зимы. Он гордился парой пунктов, которые добавил по собственной догадке.

СМЕТА НА ЗАКУПКУ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИМЕНИЯ ПАШНОВЫХ.

АВГУСТ 1905 г.

г. ИРКУТСК

Железо скобяное (гвозди, скобы, петли, подковы)

Обоснование: для ремонта инвентаря, телег, упряжи, подковки лошадей перед зимним сезоном.

Стекло оконное, ящик

Обоснование: для остекления рам в жилых и хозяйственных постройках перед наступлением морозов.

Соль поваренная, крупная, 10 мешков

Обоснование: для засола мяса, рыбы и заготовки овощей на зиму.

Мануфактура: сукно плотное, холст, парусина

Обоснование: для пошива и починки рабочей одежды, починки тентов и мешков.

Чугунные запасные части (втулки, шестерни) для молотилки

Обоснование: имеющаяся молотилка стара, зимой при обмолоте зерна возможна поломка. Без запасных частей ремонт затянется, что приведет к потерям.

Колёсная мазь, бочонок

Обоснование: для ухода за тележными осями в зимний период. Без неё колёса будут скрипеть и быстрее изнашиваться на морозе.

Верёвка пеньковая, толстая, бухта

Обоснование: универсальный материал. Может потребоваться для крепления грузов, ремонта сруби, экстренных нужд в хозяйстве. Часто забывают заказать, а зимой незаменима.

Последние два пункта – колёсная мазь и верёвка – были его личной находкой. Он вспомнил, как прошлой зимой из-за треснувшей оси и скрипа колёс чуть не опоздали с вывозом сена, а верёвка всегда была в дефиците, когда её срочно требовалось найти.

Алексей аккуратно сложил лист. Задача была выполнена. Теперь – к отцу, а потом в дорогу. В Иркутск.

Довольный проделанной работой и предвкушая одобрение отца, Алексей быстро умылся ледяной водой, которая окончательно прогнала сон. Он отдал распоряжения слуге:

– Разбуди Гриньку и Прохора. Передай, чтобы выглядели достойно. Мы в Иркутск едем, в конторах смотреть на нас будут.

Он знал, что отец Матвей уже на ногах. Как и всегда в это утреннее время, опальный священник неспешно прогуливался по двору, его губы беззвучно шептали слова молитвы. Для него это был особый ритуал – встречать восход в движении, когда мир ещё чист и пуст, а душа особенно открыта для разговора с Богом.

На подворье уже кипела работа. К крыльцу подавали дорожный тарантас – транспорт для дальних поездок у дворянства и зажиточных сибиряков. Это был прочный, четырёхколёсный экипаж на рессорах, с крытым кожаным верхом, защищавшим от дождя и пыли. Внутри – просторно, можно было полулежать на мягкой подушке. Тарантас запрягали парой выносливых, крепких лошадей – для долгого пути по сибирским трактам лучшего не придумаешь.

Гриня, всегда шустрый, не прошло и десяти минут после подъема, как он умылся, оделся и уже бегал вокруг экипажа, как юркий инспектор. Он с серьёзным видом проверял, туго ли набита смазкой ступица колёс, крепко ли прикручены оглобли, не протёрта ли кожа верха.

– Всё в порядке, Алексей Васильевич! – отрапортовал он, увидев друга. – До Иркутска доедем как по маслу!

Тем временем Прохор, с сосредоточенным видом настоящего стратега, укладывал в специальный ящик провиант: чёрный хлеб, сало, копчёную рыбу, лук и бочонок с квасом. Он действовал методично и основательно, понимая, что в дороге мелочей не бывает.

Всё было почти готово к отправлению. Оставалось лишь позавтракать, получить одобрение и последние наставления от Василия Петровича.

Стол в столовой был накрыт на пять персон. Василий Петрович, желая сэкономить время, распорядился отдать последние указы сразу после завтрака. Поели быстро, без лишних разговоров. Когда трапеза подошла к концу, барин отпил последний глоток чая и обвёл всех собравшихся тяжёлым, обстоятельным взглядом.

– Ну, слушайте, – начал он, и в комнате повисла тишина. – Дорога до Иркутска не близкая, а сейчас и вовсе тревожная. По слухам, после всех этих волнений на железных дорогах, по большакам шатается всякий сброд – дезертиры, бродяги. Будьте зорки. Он повернулся к Грине.

– Ты, Григорий, глазастый и лёгкий на подъём. Твоя задача – не тараканов в постоянных дворах считать, а по сторонам смотреть. Заметишь что подозрительное – сразу отцу Матвею или Алексею. Понял?

– Так точно, Василий Петрович! – Гриня выпрямился, на его обычно насмешливом лице читалась полная серьёзность.

Взгляд барина перешёл на Прохора.

– Прохор. Сила твоя – не для драк, а для защиты. Если что, чтобы ни одна сумка с нашим добром не пропала. И чтоб все доехали в целости. Ты – наша крепость.

– Будьте спокойны, барин, – глухим басом отозвался богатырь. – Всё будет в сохранности. Наконец, Василий Петрович посмотрел на отца Матвея.

– Батюшка, на вас главный расчёт. Вы человек бывалый, грамотный. В конторах можете Алексею советами, от мошенников убережёте. И чтобы эти два, – он кивнул на Гриньку и Прохора, – без глупостей. Вы за них в ответе.

Отец Матвей молча и с достоинством кивнул, принимая ответственность.

– Всем, кроме Алексея, выйти и проверить, всё ли готово к отъезду! – скомандовал Василий Петрович.

Когда дверь за тремя спутниками закрылась, барин протянул руку.

– Покажи-ка, что у тебя получилось.

Алексей подал свой, аккуратно переписанный лист. Василий Петрович, не говоря ни слова, достал из кармана собственный, испещрённый пометками. Он положил их рядом и начал сверять, водя толстым пальцем по строчкам. Его лицо оставалось непроницаемым. Он видел, что сын безжалостно урезал раздутые заявки бригадиров. А потом его палец замер на последних пунктах – «Колёсная мазь» и «Верёвка пеньковая». Он нахмурился, заглянул в свой лист. Этого в его расчётах не было. Он мысленно представил себе прошлую зиму, сломанную ось телеги и метель за окном, и понял, что сын добавил то, о чём он сам, с его многолетним опытом, забыл.

Внутри у него что-то дрогнуло – гордость, смешанная с удивлением. Но лицо его не дрогнуло. Рано хвалить. Похвала расслабляет.

– Хорошо, – коротко бросил он, откладывая оба листа в сторону. Теперь его взгляд стал тяжёлым и пристальным. – Слушай меня, Алексей. Ты едешь не мальчишкой, а моим представителем. Деньги я не дам – опасно. – Он вынул из стола плотный лист с гербовой печатью и чёткими штемпелями. – Это вексель. Его принимают в конторах иркутских купцов, он обеспечен моим именем. – он протянул ещё одну бумагу, – Вот доверенность. В ней сказано, что ты, Алексей Васильевич Пашнов, действуешь от моего имени и вправе заключать сделки. Покажешь эти бумаги – с тобой будут разговаривать как со мной. Не подведи. Не дай себя обмануть. И помни – за каждой копейкой тут стоит труд наших людей. Понял?

– Понял, батя, – твёрдо ответил Алексей, сжимая в руках бесценные документы. В этот момент он почувствовал всю тяжесть возложенной на него ответственности.

Они тронулись в путь. Погода была, как часто бывает в Сибири в августе, прекрасной. Несмотря на раннее утро, солнце уже припекало, хотя в воздухе еще веяло ночной прохладой. Над головой расстилось голубое небо без единого облачка, словно холст художника.

Тарантас покачивался на рессорах, мерно поскрипывая. Расстояние до Иркутска было не близким – около 60 вёрст. Даже на хороших лошадях и при лёгком грузе путь занимал не менее четырёх часов быстрой езды. Поэтому выехали с рассветом, чтобы успеть к полудню.

Гриня, помня наказ барина, устроился рядом с кучером на облучке и внимательно смотрел по сторонам, пропуская мимо глаз мелькавшие поля, перелески и редкие встречные телеги. Внутри экипажа, на мягких подушках, расположились Алексей, отец Матвей и Прохор, изредка перебрасываясь короткими фразами.

Дорога тянулась неспешно. Прохор, которому в закрытом пространстве тарантаса было душно и тесно, сильнее всех страдал от тряски. Чтобы отвлечься, он робко обратился к отцу Матвею:

– Батюшка, а вы откуда сами будете? Как вышло, что вы оказались у нас?

Отец Матвей, который до этого молча созерцал проплывавшие за окном пейзажи, обернулся. Его глаза, обычно строгие, смягчились.

– А жизнь моя, Прохор, как сибирская река – и быстрая, и извилистая, – начал он, и голос его зазвучал глубоко и размеренно. – Родился я тут, в Сибири. Воспитывала меня в основном бабка. Мать с отцом пропадали на работе – он в шахтах горбатился, она у местного дворянина и в поле, и со скотом управлялась. А бабка моя... знающей слыла. Люди к ней шли, когда болело что-то или душу скорбь мучила. Травы она знала, шептать умела. От неё я многое перенял – и про растения, и про людей.

Все в тарантасе затихли, слушая. Алексей с новым интересом смотрел на своего наставника.

– А потом призвали меня на службу, – продолжил отец Матвей. – На русско-турецкую войну попал, видел я там и кровь, и смерть... Под Плевной ранило меня осколком в ногу. Отправили в госпиталь в Кишинёв. Там я и повстречал её... Прачку из местных. Глаза у неё,

как незабудки... – он на мгновение замолк, и в его взгляде мелькает старая боль. – Счастье наше недолгим вышло. Меня признали годным к дальнейшей службе и обратно в полк отправили. – Он тяжело вздохнул. – А в полку том священник новый появился, отец Гермоген. Человек крутого нрава, но справедливый. Помощника у него не было, вот меня, пока на лёгких работах был, к нему и приставили. И пришёлся я ему по душе. Говорил он мне: «Зря, Матвей, ты свою душу на войне губишь, ей другое предназначение дадено». Он-то меня и направил, ходатайствовал, чтобы я в Консисторию пошёл, учиться.

Отец Матвей горько усмехнулся.

– Учился я хорошо, всё схватывал. Но на последнем году выгнали меня. Опалили. За вольнодумство, – он посмотрел на Алексея. – Не мог я молчать, когда видел, что иные священнослужители больше о своём кармане пекутся, чем о душах паствы. Высказал всё как на духу, да не тем людям. Слово моё сочли крамолой.

– А потом вы с батей встретились? – не удержался Алексей.

– А потом, – кивнул отец Матвей. – Твой отец, Алексей, человек дела. Узнал мою историю и говорит: «Сидишь без дела, знаний – море, а толку нет. Поедешь ко мне, сына учить будешь». И взял меня, опального, под своё крыло. За что я ему и служу верой и правдой.

В тарантасе воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком колёс. Каждый из троих слушателей по-своему переосмысливал услышанное, понимая, что перед ними не просто священник, а человек с удивительной и трудной судьбой.

Рассказ отца Матвея заворожил всех, но Прохора больше всего поразила история о его бабке-знахарке. Его доброе лицо просветлело от живейшего любопытства. С детства, проводя время на кухне у матери, он обожал слушать, как поварихи шепчутся о чудесах – о том, как один колдун наслал порчу, а другая бабка смогла её снять, как знахари заговаривали кровь и находили пропажи.

– Батюшка, – не удержался он, – а ваша бабушка... что именно она умела? И всё это... правда что ли? Бывает такое на свете?

Отец Матвей внимательно посмотрел на богатыря, и в его глазах мелькнуло нечто древнее, знающее.

– Умела она многое, Прохор, – тихо ответил он. – Травы знала такие, что могли рану заживить или боль унять, от которой врачи отступались. Шептать умела – не заклинаниями дьявольскими, а старинными словами, от которых на душе светлее становилось и хворь отступала. Людей на ноги ставила, кого «сглазили» или «очумили». И да, сынок, всё это – правда.

Он помолчал, глядя в окно на мелькавшие вершины кедров.

– Остались ещё места в мире, хоть их и мало, где не истреблена эта старая сила. Не книжная, не церковная, а природная, идущая от самой земли. И одно из этих мест, дорогие мои, – это земля, на которой мы живём. Сибирь. И уйти эта сила отсюда – никогда не уйдёт.

Его голос приобрёл пророческую, почти суровую убеждённость.

– Не идёт она супротив Бога нашего, и зла эта сила сама по себе никому не делает. Зло – лишь от людей, из-за грехов их смертных, на которые Господь и указывает нам. Нет, не уйдёт она отсюда. Храниться будет здесь. Хоть через сто, хоть через пятьсот, да хоть через тысячу лет. В тайге неприступной, в горах высоких, да в озёрах глубоких – сохранится.

В тарантасе воцарилась глубокая тишина. Даже Гриня на облучке перестал высматривать опасности и прислушивался, затаив дыхание. Слова отца Матвея, произнесённые с такой непоколебимой верой, казалось, висели в воздухе, наполняя его тайной и древней силой самой Сибири.

Прохор, совершенно восхищённый услышанным и забыв обо всём на свете, воскликнул:

– Дык, может, и Лёшке сила эта поможет? Сны-то его окайные, чтобы не мучили больше!

Воздух в тарантасе стал густым и тяжёлым. Алексей резко выпрямился, и по его лицу пробежала тень досады. Он посмотрел на Прохора с немим укором – это была их общая с друзьями тайна, но не для посторонних ушей. Гриня с облучка тут же обернулся, встревоженный.

– Ты чего проболтался? – шикнул он на Прохора.

Но богатырь, опомнившись, лишь растерянно развёл руками:

– Да я... я ж не со зла... Переживаю я за него!

Алексей вздохнул. Злость его угасла – он знал, что Прохор не способен на предательство, а его простодушное беспокойство было искренним. И всё же его смущало, что тайна раскрыта. Однако взгляд отца Матвея странным образом успокоил его. В глазах священника не было ни удивления, ни осуждения – лишь глубокая, понимающая ясность.

– Всякому даётся по силе его, – тихо произнёс отец Матвей, глядя на Алексея так, будто видел сквозь него. – И по чистоте его. Одни силы требуют платы, другие... просто есть. Как родник в лесу. Главное – подойти к нему с правильной стороны.

– Не терзайся напрасно, Алексей, – тихо продолжил отец Матвей, и в его голосе звучала не просто снисходительность, а глубокая, умудрённая опытом ясность.

– Или полагаешь, что наставник твой слеп и глух к тому, что в душе ученика творится? Поведай всё по порядку. В делах таких разбираюсь куда лучше вашей троицы, а до Иркутска ещё добрый час пути – успеешь обстоятельно всё изложить.

Алексей помедлил, глядя в спокойные, всепонимающие глаза священника, и наконец кивнул.

– Видите ли, батюшка, сны эти... да и не сны они толком... – начал он, с трудом подбирая слова. – Как будто бытие иное, наяву. Начались они... – он сделал паузу, впервые признаваясь в этом вслух, – после того как матушка моя умерла.

Гриня и Прохор переглянулись – эту часть они слышали впервые.

– И многое через них мне являлось, – продолжил Алексей. – То пожар в амбаре за неделю приснится, то падёж скота... А ещё... – он запнулся, – бывает, когда силы совсем на исходе – на отцовских наказаниях, как дрова рубил или землю пахал до седьмого пота... Вдруг в один миг прилив такой, будто и не работал вовсе. Будто сама земля силу даёт.

– Точно! – не удержался Прохор, хлопнув себя по колену. – Теперь всё сходится! Бывало, упражняемся, а я думаю – всё, барин, потух. Ан нет, вцепится – и не совладать мне, хоть я и сильнее! Сам не раз дивился.

– И я заметил, – тут же включился Гриня, – в движении он тогда меняется. Взгляд будто сквозь тебя смотрит... Я-то думал, это он просто злится...

Алексей смущённо покачал головой:

– Да ладно вам – ересь это всё. Сечение обстоятельств, не более.

Отец Матвей ничего не ответил. Он сидел, откинувшись на подушки, и во взгляде его читалась не разгадка, а новое, куда более глубокое вопрошание. Мудрые глаза священника были полны бездонного, загадочного знания, будто в рассказе Алексея он увидел не ответы, а начало куда более важной тайны.

Их мысли и слова прервал возница, обернувшись к седокам:

– Подъезжаем. Сейчас внимательны будьте – проходимцев много, да слюнтяев. На экипажи кидаются, да молвят на ящиках, нет бы работать шли.

Возница брезгливо махнул рукой в сторону толпы у въезда в город. Действительно, по обочинам дороги стояли группы людей – кто-то с котомками, кто-то просто в изношенной одежде. Некоторые с надеждой смотрели на подъезжающий экипаж, другие что-то горячо обсуждали, жестикулируя. В воздухе витало напряжение – не то тревоги, не то ожидания.

Гриня сразу насторожился, его быстрые глаза забегали, оценивая обстановку. Прохор инстинктивно выпрямился, готовый в любой момент встать на защиту. Даже Алексей забыл

о только что обсуждаемых тайнах – перед ним был реальный, полный неопределённости Иркутск.

Глава 4. Сибирь 1905 год.

Иркутск встретил их не просто городским шумом, а настоящей симфонией красок, запахов и звуков. Вся троица, высунувшись из окон тарантаса, смотрела вокруг в немом восхищении.

– Мать честная... – прошептал Прохор, и в его голосе звучал благоговейный ужас перед величием города.

Даже Гриня на время забыл о своей сторожевой роли, его глаза бегали по фасадам, пытались охватить необъятное.

Город, несмотря на всю тревожную обстановку в Империи, был прекрасен. Прямые, мощёные улицы расходились от набережной Ангары. Возносились в небо золочёные купола Спасской церкви и величественного Богоявленского собора, сверкавшие на августовском солнце. Чуть поодаль виднелись строгие классические линии Белого дома – резиденции генерал-губернатора, символа имперской власти в Сибири. Повсюду стояли каменные и деревянные особняки купцов-миллионщиков, чьи резные наличники и кованые балконы были настоящими произведениями искусства.

Они проезжали мимо Гостиного двора – огромного, кипящего жизнью торгового центра. Оттуда доносился густой гул голосов, смешанный с ароматами дорогих духов, кожи, чая и пряностей. Здесь, под чугунными аркадами, можно было встретить и важных русских купцов в длинных кафтанах, и хитроумных китайских торговцев с тюками шёлка и фарфора, и бурят в национальных халатах, предлагавших мягкие, как дым, меха соболя и горностая.

Но эта картина процветания имела и свои трещины. Буквально. На некоторых зданиях, особенно старых, виднелись свежезамазанные трещины и заложенные новым кирпичом провалы – немые свидетельства недавнего, июльского землетрясения, потрясшего город. Иркутск пережил его, как герой, выстоявший в бою, – с достоинством, но с неизбежными шрамами.

И повсюду, как тени, сновали те самые «слюнтяи», о которых говорил возница. Кучки людей в поношенной одежде, с горящими недобрый огнём глазами, стояли на углах, что-то выкрикивая, споря, бросая злые взгляды на кареты зажиточных граждан. Они были живым напоминанием о том, что под красивым фасадом имперского благополучия в городе, как и по всей России, зреет глухое недовольство.

Алексей, очарованный красотой Иркутска, смотрел на него с противоречивыми чувствами. Величественные храмы и дворцы говорили о порядке и силе, а эти зияющие трещины на стенах и в человеческих душах – о хрупкости всего этого мира.

Отец Матвей, понимая, что командование операцией все же возглавляет Алексей, спросил его:

– Ну что, сейчас в контору поедем? – Он сделал небольшую паузу, давая Алексею возможность проявить инициативу. – В «Торговый дом Сибирякова», что ли? У них и железо добротное, и ткани с парусиной всегда в наличии.

Алексей, собравшись с мыслями под взглядами спутников, уверенно кивнул:

– Именно так. Сначала едем туда. Если уж закупаться, то у тех, кто себя зарекомендовал. К тому же, – он понизил голос, – с крупной конторой и вексель отеческий будет проще обналичить.

Он выглянул из экипажа и крикнул вознице:

– На Большую улицу, к дому Сибирякова! Знаешь?

– Как не знать, барин! – бодро отозвался кучер, и тарантас, вздымая легкое облачко пыли, покотился по мостовой, оставляя позади шумный рынок и увлекая четверых друзей в гущу деловой жизни сибирской столицы.

Тарантас свернул с главной улицы и вскоре остановился перед внушительным двухэтажным особняком из темно-красного кирпича. Здание украшали белые каменные резные наличники и массивная дубовая дверь с кованой ручкой в виде медвежьей головы. Вывеска с лаконичной надписью «Торговый дом Сибирякова» выглядела на века – прочно и без излишней вычурности, что сразу говорило о деловом стиле хозяина.

Едва экипаж замер, к нему уже спешил приказчик в опрятном сюртуке. Местные слуги, знавшие в лицо возницу от Пашновых, действовали быстро и слаженно.

– От Василия Петровича? – почтительно раскрыл дверцу приказчик. – Милости просим, вас уже ждут.

Сибиряков и впрямь был в отличных деловых отношениях с Пашновым-старшим. Многим купцам работать с барином было одно удовольствие: он платил аккуратно, торговался жёстко, но честно, всегда находя компромисс, выгодный обеим сторонам. А уж о том, чтобы забыть о дне рождения или другом празднике делового партнёра, и речи не шло – Василий Петрович неизменно отсылал в подарок окорока собственного копчения, за которые его имя славилось на всю губернию, и круги выдержанного сыра из молока своих коров.

Приказчик провёл гостей через просторный, выложенный мрамором холл и распахнул дверь в приёмную.

Он предложил гостям чай с пряниками, и отказываться было не только невежливо, но и несвоевременно – с дороги все изрядно проголодались. В ожидании хозяина их проводили в уютную гостевую.

– Придётся немного подождать, – почтительно пояснил приказчик. – Хозяин скоро должен подъехать и обязательно вас примет.

Они с удовольствием устроились в глубоких кожаных креслах. Ароматный чай, заваренный на местных травах, оказался необыкновенным. С первым же глотком будто растворяешься в бескрайнем сибирском просторе: в нос бьёт свежесть горного воздуха, а во рту остаётся терпкое послевкусие таёжных трав и сладковатая нота полевых цветов.

Пока Алексей с отцом Матвеем наслаждались чаем, Гриня с Прохором быстро нашли общий язык со служивым, отвечавшим за охрану грузов Сибирякова. Они с жаром обсуждали новинки оружия: только что принятые на вооружение трёхлинейные винтовки Мосина и новейшие револьверы системы Нагана, которые постепенно приходили на смену устаревшим моделям.

В разгар их оживлённой беседы дверь приоткрылась, и появился приказчик:

– Алексей Васильевич, хозяин будет вас принимать. Прошу.

Алексей кивнул отцу Матвею, приглашая его следовать за собой. Он встал, поправил складки своей дорожной безрукавки и уверенно направился к кабинету Сибирякова.

– Батюшка, – тихо сказал он отцу Матвею на ходу, – прошу вас, запоминайте весь разговор в точности. Но в беседу не вступайте. После будет важно обсудить каждое слово.

Отец Матвей молча кивнул, всем своим видом показывая, что понимает важность момента.

Алексей мысленно повторял отцовские наставления. Как известно, деловая беседа с купцом всегда проходила в три этапа: сначала покупатель озвучивал свои нужды, затем купец называл свою цену, а покупатель – свою. После этого стороны расходились для обсуждения, готовы ли они принять такие условия.

Переступив порог кабинета, Алексей увидел за массивным письменным столом Сибирякова – человека лет пятидесяти, с окладистой бородой и цепким, оценивающим взглядом.

Первым поздоровался Алексей, сделав почтительный поклон:

– Здравствуйте, Пётр Семёнович! Отец передаёт вам свой поклон и наилучшие пожелания.

В ответ Сибиряков, не вставая из-за стола, кивнул с лёгкой снисходительной улыбкой:

– Здравствуй, Алексей, рад видеть тебя таким возмужавшим. – В его голосе явственно слышалось, что он по-прежнему обращается с ним как с мальчишкой. – Отцу тоже передавай привет. Как его здоровье?

– Благодарю, Пётр Семёнович, отец в полном здравии, – учтиво ответил Алексей.

В этот момент взгляд Сибирякова перешёл на отца Матвея, и его лицо озарилось искренней радостью:

– Ооо, батюшка! Рад вас видеть! Не могу не доложить – та мазь, что вы тогда посоветовали втирать в спину, мне невероятно помогла! Хожу теперь без прежней боли, прямо молодым себя чувствую!

Отец Матвей склонил голову, его лицо сохраняло спокойное достоинство:

– Не стоит благодарности, Пётр Семёнович. Делиться знаниями, чтобы облегчить страдания ближнего – ответственность каждого христианина.

– Да-да, ну что же, приступим, присаживайтесь, – предложил Сибиряков, жестом указывая на кресла.

Партнёры устроились в глубоких кожаных креслах, и Алексей чётко начал перечислять необходимые материалы из своей сметы. По мере того как звучал каждый пункт, Сибиряков начинал рыться в своих записных книгах, бормоча что-то под нос и разводя руками.

– Железо скобяное... – говорил Алексей.

– Ох, с железом сейчас напряжёнка, – тут же отзывался купец, листая страницы. – С Урала поставки задерживают, на складе остатки... больше пяти пудов предложить не могу.

– Стекло оконное...

– Со стеклом и вовсе беда! – Сибиряков сокрушённо качал головой. – После землетрясения все стекольные заводы работают на восстановление города. Цены взлетели, да и качество нынче не то...

– Соль...

– Соль-то есть, но партия мелкая попалась, не первого сорта. Придётся делать скидку на качество, потому и цена ниже не может быть...

Почти по каждому товару купец находил причину либо ограничить количество, либо оправдать завышенную цену, искусственно создавая ощущение дефицита и сложностей с поставками. Он явно рассчитывал, что молодой и неопытный Алексей растеряется и примет его условия.

Алексей сразу понял этот тонкий психологический ход купца. В его памяти всплыли яркие картины: они ведь только что проезжали мимо рынка, где он ясно видел у одного из поставщиков аккуратные пирамиды из мешков с солью первого сорта – крупной, чистой, идеальной для засолки. Значит, соль была, а Сибиряков просто пытался выдать залежавшийся товар. Такая соль второго сорта, слежавшаяся в камень, годилась разве что для посыпки обледеневших дворов или для выделки кож, но никак не для засолки продуктов – в бочках она растворится неравномерно, часть припасов протухнет, а это верные убытки для хозяйства.

И по каждому материалу в голове Алексея тут же находилась своя зацепка:

Стекло оконное – Сибиряков жаловался на землетрясение и дороговизну. Но Алексей вспомнил, как мимо них на улице спокойно проехала подвода с ящиками, на которых было ясно написано «Стекланный завод Акулова» – значит, поставки шли.

Железо скобяное – купец говорил о проблемах с Уралом. Но ведь всего пару недель назад отец получал письмо от компаньона, где тот писал о новых выгодных партиях металла как раз из тех краёв.

Мануфактура – Сибиряков вздыхал о подорожании хлопка. Однако Алексей заметил на том же рынке горы тканей по вполне разумным ценам.

Каждое «оправдание» купца наталкивалось на живое, только что увиденное доказательство обратного. Сибиряков явно проверял его на прочность, рассчитывая на юношескую

неопытность. Но Алексей, воспитанный отцом и самой жизнью в имении, видел эту игру как на ладони. Он не поддался на провокацию, лишь внимательно слушал, и в его глазах читалась не растерянность, а спокойная, аналитическая ясность.

Алексей понял, что прямо обвинить давнего партнёра отца в нечестности – значит разрушить все отношения. Хотя ему куда ближе была прямая простота обычного люда, здесь требовался иной подход.

Он сделал паузу и мягко, почти задушевно спросил:

– Пётр Семёнович, скажите, а сколько лет вы уже работаете с моим отцом?

Вопрос прозвучал неожиданно. Сибиряков на мгновение смутился, но тут же подобранно ответил:

– Да уж лет пятнадцать, если не больше... – в его голосе зазвучали ностальгические нотки.

– И за все эти годы, – продолжил Алексей с лёгкой улыбкой, – случалось ли, чтобы отец задерживал платёж или пытался сбить цену больше разумного?

– Что вы, Алексей Васильевич, ваш батюшка всегда был образцом честности! – купец даже рукой взмахнул, словно отгоняя саму мысль о таком.

– А часто ли он отправлял вам свои окорока и сыры просто так, без всякого повода? – Алексей смотрел прямо и открыто.

Сибиряков замялся, почувствовав ловушку:

– Ну... как же... регулярно... – пробормотал он, понимая, что эти подарки были жестом доброй воли, а не частью сделки.

– И скажите, Пётр Семёнович, – голос Алексея стал чуть тише, но не потерял твёрдости, – разве такие отношения, построенные на годах уважения и взаимной выгоды, стоят того, чтобы рисковать ими из-за одной сделки?

Четвёртый вопрос повис в воздухе, тяжёлый и неудобный. Сибиряков откашлялся, его уверенность пошатнулась. Юноша оказался куда опаснее, чем он предполагал – не грубой силой, а тонким пониманием человеческой природы.

Алексей чувствовал, что задал достаточно неудобных вопросов. Пора было сменить тактику. Он мягко улыбнулся, и его взгляд наполнился искренним восхищением.

– Пётр Семёнович, вы знаете, я с детства помню, как отец постоянно хвалил ваш подход к делу. – голос Алексея звучал тепло и непринуждённо. – Как он восхищался тем, насколько аккуратно упакованы ваши материалы, как всё всегда доходило в идеальной сохранности. А помните, в прошлом году вы вернули сдачу – не просто монеты, а в аккуратном конверте, с точным расчётом до копейки? Отец тогда сказал: «Вот это настоящий купец, ему можно доверять с закрытыми глазами».

Алексей видел, как напряжение в плечах Сибирякова начало постепенно спадать. Купец даже слегка выпрямился, и в его глазах загорелся огонёк профессиональной гордости.

– Василий Петрович всегда был ко мне щедр на доброе слово, – с достоинством ответил Сибиряков, но уже без прежней снисходительности.

– Именно поэтому я и пришёл к вам в первую очередь, – продолжал Алексей, ловко связывая комплимент с делом.

– Отец учил меня: если хочешь быть уверен в качестве и точности – иди к Сибирякову. И пусть сейчас на рынке есть предложения и подешевле, – он сделал небольшой акцент на последнем слове, – но надёжность и честное партнёрство дороже сиюминутной выгоды.

Этот ход был тонким и точным: Алексей дал понять, что осведомлён о рыночной ситуации, но сознательно выбирает Сибирякова благодаря его репутации. Теперь купец оказывался в положении, где ему нужно было оправдать это доверие – уже не как мальчишке, а как сознательному продолжателю дела отца.

Алексей сделал небольшую паузу, давая Сибирякову в полной мере прочувствовать вес своих слов, а затем мягко, но уверенно спросил:

– Пётр Семёнович, ваше слово? Какие материалы и сколько за них?

Купец медленно кивнул, его взгляд стал собранным и деловым. Он понял, что игра в «трудности» и «дефицит» не пройдёт. Перед ним сидел не наивный юноша, а расчётливый партнёр, ценящий честность.

– Так и быть, Алексей Васильевич, – начал он, открывая перед собой чистый лист бумаги. – Для вас – по условиям вашего отца. – В его голосе вновь появились твёрдые, уверенные нотки, но теперь уже без намёка на снисхождение.

Он начал диктовать, а приказчик, стоявший рядом, торопливо записывал:

– Железо скобяное – десять пудов, по цене... – он назвал цифру, которая была хоть и выше рыночной, но уже разумной.

– Стекло оконное – два ящика, лучшего качества, с завода Акулова. Соль – восемь мешков, первого сорта, крупная, для засолки. – Он многозначительно посмотрел на Алексея, давая понять, что понял его намёк. – Мануфактура...

Сибиряков перечислял товары, количество и цены, которые теперь звучали обоснованно и честно. Он даже добавил:

– А колёсную мазь и верёвку пеньковую, что у вас в смете значатся, отдам по себестоимости. Увидел я, что вы с толком подошли к делу.

Алексей слушал внимательно, сверяясь со своей сметой. Он добился главного – его перестали воспринимать как мальчика и начали видеть в нём равного.

Алексей внимательно выслушал предложение купца и мягко улыбнулся:

– Пётр Семёнович, это уже на что-то похоже. Однако... – он взял со стола карандаш и аккуратно сделал пометки напротив пунктов. – Соли нужно будет десять мешков, меньше не могу. Год урожайный, да и скотина в этом году множилась и множилась. Учитывая вашу готовность к сотрудничеству, не хотелось бы два мешка искать ещё где-нибудь.

Он перевёл взгляд на следующий пункт:

– Стекло оконное... Мне нужен один ящик, два – перебор. Но коли уж два даёте, то заберу только со скидкой в пятнадцать процентов. За колёсную мазь и верёвку – благодарен, спасибо. И к нашей общей дружбе, – добавил Алексей с лёгким поклоном, – свяжите нас с лучшим изготовителем чугунных запасных частей, да чтобы от вашего слова скидку хорошую сделал.

Пётр Семёнович откинулся на спинку кресла и рассмеялся – уже не деловым смехом, а искренним и громким:

– Ох, Васька, сына, блин, воспитал! – воскликнул он, забыв о формальностях. – Так всех купцов в Сибири голыми оставишь! – Он произнёс это с доброй ухмылкой, без тени обиды. – Что ж, вызову приказчика и обсуджу с ним все детали. Вам же выделю комнату, чтобы вы всё записали и обсудили.

Когда дверь кабинета Сибирякова закрылась за ними, и они остались одни в уютной, отведённой для них комнате, отец Матвей с нескрываемым одобрением посмотрел на Алексея.

– Искусно, Алексей, очень искусно, – тихо произнёс он, устраиваясь в кресле. – Сначала – тонкий намёк на его же попытку обмана, затем – лесть, подкреплённая фактами, и в конце – жёсткие, но разумные условия. Ты вёл себя не как юноша, а как прирождённый хозяин.

Алексей, наливая себе стакан воды, вздохнул с лёгким облегчением. Напряжение первых переговоров начинало понемногу спадать.

– Спасибо, батюшка. Признаться, сердце колотилось, будто в бою. Главное – он перестал видеть во мне мальчишку. А теперь давайте обсудим, на чём можно настоять, а в чём – уступить. Соль, я считаю, мы должны получить все десять мешков, это принципиально. А вот со скидкой на стекло... Может, стоит согласиться на десять процентов, но с условием, что он бесплатно добавит замазку для рам? Как вы думаете?

Отец Матвей кивнул, его умные глаза уже анализировали возможные варианты. За стенами комнаты слышались размеренные шаги приказчика, возвращавшегося с проектом дого-

вора. Самое сложное было позади, но тончайшая дипломатическая битва за каждую копейку и каждую позицию в смете только начиналась.

Прошло не более получаса, когда приказчик вновь появился на пороге:

– Пётр Семёнович просит вас к себе для окончательных переговоров.

Они снова вошли в кабинет. Сибиряков сидел за своим столом, на котором аккуратно лежали два экземпляра предварительного договора. Его лицо выражало деловую собранность, но в глазах теплилось уважение.

– Ну что ж, присаживайтесь, – кивнул он. – Обсудил я с приказчиком ваши условия. По соли – десять мешков первого сорта, будь по-вашему. По стеклу – скидку в десять процентов дам, и замазку в придачу, как вы и предполагали, Алексей Васильевич. – Он многозначительно посмотрел на юношу, давая понять, что оценил его расчётливость. – По чугунным частям – дам вам сопроводительное письмо к заводу Тереховых, они лучшие в городе. От моего имени вам сделают хорошую цену.

Сибиряков откинулся на спинку кресла, сложив руки на столе.

– Такие условия устраивают? Или есть ещё поправки? – В его голосе звучала готовность к разумному компромиссу, но было ясно – основные уступки уже сделаны.

Алексей сделал паузу, собрался с мыслями и начал говорить ровным, убедительным тоном:

– Пётр Семёнович, за вашу доброту и готовность идти навстречу не могу не предложить вам взаимовыгодное решение. Я заметил, что ваши грузовые повозки простаивают, а кучера получают зарплату ежедневную, хотя работы для них нет. Деньги по небольшим суммам, но уплывают из вашего кармана.

Он сделал паузу, давая купцу осознать этот факт, прежде чем продолжить:

– Предлагаю организовать доставку нашего товара до имения вашими силами совершенно бесплатно. Взамен мы отправим вам тридцать бочек отборных солёных огурцов, двадцать мешков картофеля и десять бочонков мочёной брусники. Урожай в этом году выдался богатейший, и мы физически не успеваем всё реализовать из-за нехватки грузовых повозок. Вам, я уверен, не составит труда найти покупателей на эти продукты в Иркутске, тем более что для вас это будет весьма выгодно.

Алексей видел, как в глазах Сибирякова вспыхивает коммерческий интерес, и продолжил, усиливая позицию:

– Кроме того, вы дадите обязательство на поиск в предстоящую зиму необходимого нам материала и доставку его единой, если такая необходимость вообще возникнет. Зима – дело непредсказуемое, и возможно, нам ничего и не потребуется. Обязательство будет действительно только на эту зиму.

– Также мы готовы забрать у вас ту самую соль второго сорта, что залежалась на складе – скоро начнётся охотничий сезон, и она нам потребуется для выделки шкур. Заберём по наименьшей цене. И ещё – раз уж скоро сезон дождей, а порох плохо переносит влагу... мы готовы взять один бочонок по себестоимости – для заправки охотничьих патронов.

Завершая своё предложение, Алексей добавил:

– В качестве жеста доброй воли, мы обязуемся продать вам выделанные шкуры по цене всего на 15% выше нашей себестоимости, в то время как рыночная цена на них на 40% выше. Это даст вам прекрасную возможность заработать на перепродаже.

Пётр Семёнович слушал, и на его лице появлялось то удивление, то восхищение, то лёгкая улыбка. Когда Алексей закончил, купец медленно покачал головой:

– Ну и голова у тебя, Алексей Васильевич... Такой сложный расчёт, и всё в пользу обеих сторон. – Он протянул руку для рукопожатия. – Считайте, что договорились. Приказчик оформит все условия.

Пётр Семёнович, всё ещё находясь под впечатлением от заключённой сделки, гостеприимно улыбнулся:

– Пожалуйста, сходите в столовую, здесь неподалёку. «У Старого Тихона» – там очень вкусно готовят. Запишите всё на мой счёт, покушайте своей компанией.

Алексей и отец Матвей тепло пожали руку купцу.

– Благодарим за радушный приём и щедрость, Пётр Семёнович, – с достоинством сказал Алексей.

– Храни вас Господь! – добавил отец Матвей.

Выйдя на улицу и присоединившись к Грине и Прохору, Алексей облегчённо выдохнул. Первое серьёзное испытание было пройдено. И пройдено с честью.

– Ну что, – обернулся он к друзьям, – Пётр Семёнович угощает обедом.

Четвёрка направилась к известной городской столовой, оставив за спинами стены торгового дома, где только что был заключён не просто выгодный договор, а состоялось настоящее взросление молодого хозяина.

Глава 5. Санкт-Петербург. 1905 год.

Григорий возвращался домой по вечерним улицам Петербурга, и в душе его боролись противоречивые чувства. С одной стороны, он был горд собой. Ему удалось произвести столь сильное впечатление на самого епископа Сергия – одного из самых могущественных и влиятельных людей в духовном мире России. В ушах ещё звучали слова владыки: «Мы обязательно поговорим о вашем прощении... Обещаю, подключу все возможные рычаги...». Казалось, цель близка. Сила, данная ему – или найденная в нём – работала.

Но с другой стороны, его терзала совесть. Тонкая, едва слышная нить, всё ещё связывавшая его с тем Григорием, что искренне искал Бога. *«Если бы не память епископа, не его интерес ко мне как к личности... решил бы он помочь? Или это всё та же тёмная сила, что ведёт меня, подчиняя своей воле даже таких людей?»* Мысль о том, что его дар может быть не от Бога, а от противной силы, причиняла ему почти физическую боль.

Он уже подходил к двери своей квартиры на Гороховой, погружённый в эти мрачные размышления, как вдруг заметил, что его кто-то ожидает.

Тень отделилась от стены. Это был мужчина лет тридцати, в поношенной рабочей блузе и картузе, надвинутом на самые брови. Лицо его было бледным и уставшим, но в глазах горел непримиримый, лихорадочный огонёк. В его напряжённой позе, в сжатых кулаках чувствовалась не просто нужда, а нечто большее – фанатичная решимость.

– Ты Распутин? – хрипло спросил незнакомец, окидывая Григория оценивающим, изучающим взглядом. В его тоне не было ни почтения, ни страха, лишь холодный расчёт.

Григорий остановился, чувствуя, как внутри всё сжимается. Этот человек был не из его мира. Он был из другого Петербурга – мира дымных заводов, политических кружков и подполья. Мира, который всё громче заявлял о себе в этот тревожный 1905 год. И теперь этот мир пришёл к нему на порог.

Человек нервно оглянулся через плечо, вглядываясь в вечерние сумерки, словно ожидая увидеть в них незримых преследователей. Его пальцы тербели грубую ткань блузы.

– Меня зовут... Степан, – отрывисто представился он, и Григорий тут же понял, что имя это – вымышленное. – Пришёл к тебе по нужде, Распутин. Слышал... слышал о твоих способностях.

Он снова бросил быстрый, скользящий взгляд вдоль пустынной улицы.

– Но на пороге говорить не готов. Слишком уж много ушей у этих стен. Может, зайдём внутрь?

В его просьбе звучала не просьба, а скорее требование, приправленное крупницей надежды. Григорий почувствовал знакомое щемящее чувство – смесь любопытства и опасности. Этот Степан был не простым просителем, ищущим утешения или исцеления. От него веяло чем-то иным – тайной, конспирацией, тем самым подпольным огнём, что полыхал сейчас в недрах империи.

Помедлив лишь мгновение, Григорий кивнул, доставая ключ.

– Заходи, – коротко бросил он, отпирая дверь. – Только смотри... – он обернулся и посмотрел Степану прямо в глаза, – говори прямо и по делу.

Он пропустил незнакомца вперёд, снова ощущая, как его собственная жизнь всё глубже запутывается в паутине сил, которых он до конца не понимает. Теперь под его кровлю входил не только дух тьмы, но и призрак грядущей революции.

Дверь закрылась, и в тесной прихожей повисло напряжённое молчание. Григорий, не предлагая гостю пройти дальше, обернулся к нему. Его глаза, обычно гипнотические и пронзительные, теперь горели холодным, неприкрытым гневом.

– Не люблю я вашего брата, – настойчиво и резко сказал он, – хоть сам из народа. Ваши цели – глупость, подстёгнутая, хоть и правильными мыслями. Да, дворянский род борзеем с каждым годом, веселится, гуляет и пыжится, словно павы на птичьём дворе, когда обычный народ... – голос Григория дрогнул, в нём послышалась подлинная, старая боль, – когда народ наш, кормилец и поилец, влачит свою долю в поту и слезах, не видя за горизонтом своих полей ни просвета, ни надежды, а лишь новую пашню да новый оброк.

Степан стоял, поражённый. Он готовился ко многому – к подозрениям, к вопросам, к попыткам выведать информацию. Но он не ожидал такого яростного, искреннего порыва, такой горькой правды, высказанной ему в лицо.

Распутин же, разгорячённый, продолжал. Его слова сыпались как удары бича:

– Но для моей «вербовки» отправлять такого, как ты – это что? Попытка унижить? Ты даже не подумал прийти сюда как проситель, с открытым сердцем и своей болью. Нет, ты пришёл как лазутчик, с тайной да с лукавством в глазах. Скажи мне, – Григорий шагнул вперёд, и его высокая фигура вдруг показалась Степану огромной и подавляющей, – ты уж не первый ли в списке худших агентов у этих... революционеров, как вы себя там величаете?

– Проходи быстрее, Степан, не стой как замороженный, – прогремел Распутин, жестом указывая вглубь комнаты. Голос его стал ещё суровее, в нём зазвучали стальные нотки, не терпящие возражений. – Выслушаю я тебя. Но да будь со мной повежливее, – он пристально, почти физически ощутимо посмотрел на гостя, – не то спрячу крест за пазуху и хребет тебе поломаю.

Угроза прозвучала не как пустая бравада, а как простое, почти бытовое заявление. В этих словах была «сибирская крепость», грубая, неотёсанная сила, перед которой меркли все революционные лозунги. Степан, всё ещё опешивший от предыдущей вспышки, молча прошёл в комнату, чувствуя, как почва уходит у него из-под ног. Его миссия начиналась не так, как он планировал.

Они расселись в скромной горнице – Григорий на своём топчане, Степан на табурете, поставленном посреди комнаты, словно на допросе. Распутин оборвал тягостное безмолвие, но на этот раз его голос звучал иначе – не гневно, а спокойно, глубоко и... завораживающе. В этом новом тоне, низком и вкрадчивом, была сила, что заставляла людей слушать и верить. Теперь в диалоге стало ясно, кто занимал более высокую позицию.

– Ну, – начал Григорий, его пронзительный взгляд будто просвечивал Степана насквозь, – давай по порядку. И напоминаю, что прямо и по делу!

Степан, всё ещё находясь под воздействием властного тона Распутина, начал говорить, тщательно подбирая слова:

– Наш... покровитель, – поправился он, избегая имени, – надеюсь, вы не против, если его имя останется в тени, отправил меня лично. И поверьте, в этом ни в коем случае не было цели вас унижить. Обычно его указания доходят до агента через многих людей, а тут... нет.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями, и продолжил с подобострастием, которого не было в нём ранее:

– Слышал он про вас. Кто вы и на что способны. Ходят слухи, что вы... не просто странник. Что вы провидец. Что можете взглядом унять плач у ребёнка, исцелить болезнь, которую врачи признали безнадежной. Говорят, вы читаете души людей, как открытые книги, и видите будущее, как другие – прошедший день.

Степан умолк, в его глазах читался неподдельный интерес, смешанный со страхом.

– А ещё... шепчут, будто бы некая сила шепчет вам на ухо свои секреты, и высшие силы даровали вам власть над волей человеческой. Вот потому он и прислал меня. Не для оскорбления. Для... проверки. И для предложения.

Распутин молча смотрел на гостя, и в тишине комнаты его безмолвие было красноречивее любых слов. Наконец он медленно кивнул, словно принимая не столько слова Степана, сколько сам факт этого визита как нечто неизбежное.

– Говори своё предложение, – произнёс он просто, и в этих словах не было ни согласия, ни отказа – лишь готовность выслушать.

Степан, ободрённый готовностью Распутина слушать, изложил суть предложения:

– Мы хотели бы использовать вас как значимого агента. Ведь это идеально – к вам могут приходить многие просители, вы можете их вербовать. Через вас можно передавать послания от нашего покровителя, и Охранное отделение ничего даже не заподозрит.

Он говорил увереннее, видя, что Григорий не прерывает его.

– А если и начнут подозревать – то как доказать? Вот именно, что никак. Идеальное прикрытие. Любые ваши встречи, даже с преступниками, всегда можно обосновать. Вы всегда сможете ответить, что наставляете на путь истинный даже самые заблудшие души.

Степан умолк, ожидая реакции. В его глазах читалась уверенность в логичности и продуманности этого плана.

Распутин не двинулся, лишь его пронзительный взгляд, казалось, становился тяжелее.

– Каждый человек должен понимать цели своих действий, – проговорил он медленно, растягивая слова. – Скажи, Степан... зачем мне это?

В его голосе не было ни возмущения, ни заинтересованности – лишь холодная, аналитическая отстранённость. Он ждал, чтобы революционер попытался сыграть на его струнах, и был готов разбить любой аргумент.

– Что даст мне служба вашему «покровителю»? Богатство? – Григорий усмехнулся, обводя взглядом свою убогую комнату. – Власть? – его усмешка стала шире. – Или вы думаете, что я, как и вы, жажду просто сжечь то, что есть, не имея понятия, что построить на пепелище?

Распутин медленно поднялся с топчана, его высокая фигура заслонила тусклый свет лампы.

– Пойми, Степан, – его голос прозвучал глухо, но каждое слово отпечатывалось в сознании, – нет разницы, кто правит. Вся разница – в человеческой душе.

Он сделал шаг вперед, и Степан невольно отклонился назад.

– Будь то дворяне, имперская элита, что живут в своих дворцах и думают, что мир – это их будуар... Будь то народ, которому вы, горстка мечтателей, дадите эту власть... – Григорий горько усмехнулся. – Вы думаете, переменится что-то? Возьмёт мужик власть – и что? Станет тем же барином, только с мозолистыми руками да с злобой в сердце. Потому что душа-то у него та же – грешная, алчная, жаждущая власти над другими.

Он остановился прямо перед Степаном.

– Вы смените одних тиранов на других. И будете вешать на площадях уже не аристократов, а своих же вчерашних товарищей. Потому что власть не меняет людей, Степан. Она лишь обнажает то, что спрятано в глубине души. А в глубине этой – у большинства грязь да порок. И не важно, в кафтане ты или в рабочей блузе.

Степан, всё ещё сидя на табурете, сжал кулаки. Его лицо залила краска возмущения.

– Наша правда вернее! – выкрикнул он, теряя осторожность. – Лучше уж наши, кто из народа и для народа, чем ваши барчуки, что народ за скот считают! Мы дадим землю – тем, кто на ней горбатится! Заводы – тем, кто у станков стоит! Хлеб – тем, кто его сеет и жнёт! Чтобы не гнули спину за гроши, чтобы дети в школах учились, а не в поле с шести лет батрачили! Чтобы...

Он задыхался, его глаза горели фанатичным огнём.

– Чтобы каждый человек, а не только рождённый в шелках, имел право на достойную жизнь! Вот наша правда! И она стоит того, чтобы за неё бороться!

Степан резко вскочил, его лицо исказила гримаса ярости. Казалось, все его осторожность и расчёт испарились, уступив место давней, пожирающей его изнутри ненависти.

– Ты правду велел говорить – вот и буду! И хоть хребет ломай! – выкрикнул он, его голос сорвался на визгливую ноту. – Месть! Месть нас ещё ведёт, за многие века! За то, как ихний брат, барчук, мог забить мужика до смерти – и хоть бы что! Суд? Смех! Заплатит отцу семейства пятёрку – и будто скотину списал, не человека! За то, что дочерей наших на потеху брали, а потом с плевательницей вышвыривали! За то, что дети их в бархатах ходят, а наши с голоду пухнут! За каждую слезу, за каждую каплю пота – МЕСТЬ!

Степан тяжело дышал, грудь его ходила ходуном. В голове пронеслись слова покровителя: *«Сведения о его прошлом – тайное оружие. Рискованно, но если другого выхода не остается...»*. Другого выхода не оставалось.

Глядя в окаменевшее лицо Распутина, Степан выдохнул главное, последнее своё оружие: – Сам-то ты, Григорий... про Марию забыл?

Воздух в комнате словно вымер. Имя, произнесённое вслух, повисло между ними, как призрак. Вся ярость, вся праведная злоба Степана разбилась об это одно-единственное слово. Он видел, как дрогнуло непроницаемое до сих пор лицо Распутина, как в его глазах, на мгновение, вспыхнула старая, дикая боль, которую он так тщательно скрывал. Степан понял – попал в самую цель.

Имя «Мария» прозвучало как удар хлыста. На мгновение комната с потемневшими обоями исчезла, и Григорий снова увидел её – Марию, дочь богатого купца, свою первую и единственную любовь.

Они были так молоды. Тайком от всех они встречались на опушке, за околицей села. Он, высокий, неуклюжий парень с горящими глазами, она – с косой, густой, как спелая рожь, и ясным взглядом. Её смех, звонкий и беззаботный, был для него самой сладкой музыкой. В те короткие часы, украденные у суровой жизни, его душа, измученная бедностью и тяжким трудом, наполнялась такой светлой радостью, что он готов был парить.

И вот тот день. Они возвращались домой, держась за руки, скрываясь в вечерних сумерках. И наткнулись на него – сына местного барина, Петра, что шёл по деревне с парой своих приспешников, уже изрядно подвыпивших.

– Глянь-ка! – крикнул молодой барин, ухмыляясь. – Мужик нашу Машеньку за лапшу держит! Думаешь, тебе, голодранцу, она всерьёз? Она с тобой от скуки дурака валяет, пока я за ней не пришёл!

Григорий, вспыхнув от ярости и обиды, бросился на обидчика. Но дружки барина тут же схватили его сзади, скрутив мощные руки. Петр, смеясь, начал бить его – не спеша, с наслаждением, стараясь попасть по лицу.

– Пустите его! – крикнула Мария и бросилась вперёд, пытаясь заслонить Григория.

Петр, не глядя, оттолкнул её. Оттолкнул с такой силой, что она, хрупкая, как тростинка, отлетела и ударилась виском о острый сук старой берёзы.

Тишина. Только хруст, короткий и сухой, прозвучал оглушительно громко. Алая кровь медленно растекалась по светлым волосам. Её ясные глаза смотрели в небо, не видя его.

Крик, вырвавшийся из груди Григория, был нечеловеческим.

Суд? Да, был «суд». Сына барина признали невиновным. Официальная версия гласила, что благородный юноша и его друзья пытались помочь девушке, которую преследовал невменяемый парень из простонародья. Почти все в деревне знали правду – знали о их любви, знали, что Петру до Марии не было никакого дела. Но против системы, против власти и денег они были бессильны.

Григорий стоял, не двигаясь. Боль, которую он десятилетиями хоронил в самых тёмных уголках души, вырвалась на свободу и жгла его изнутри. Он снова видел её лицо. Слышал тот самый хруст.

– Уйди... прочь... – проговорил Распутин. Его голос был тихим, почти беззвучным, но в нём слышалась такая опасная, ледяная дрожь, что Степану стало по-настоящему страшно.

Человек, которому только что вскрыли старую, гноящуюся рану, стал непредсказуемым. И Степан это понял. Он быстро, почти не глядя, положил на край стола сложенный вчетверо листок.

– Вот письмо для вас, Григорий... Я пойду. Если надумаете – прочитайте. Если нет... – он сделал шаг к двери, – то прошу вас, сожгите. Не доводите до греха.

И, не дожидаясь ответа, Степан стремительно вышел, притворив за собой дверь.

Григорий остался один. В тишине комнаты стояло лишь его тяжёлое, прерывистое дыхание. Он смотрел в пустоту, всё ещё видя перед собой образ Марии, слыша тот роковой хруст. А на столе лежало письмо – тихое послание из мира, который снова напомнил ему о боли и предложил орудие мести.

Глава 6. Сибирь. Иркутск. 1905 год.

После сытного обеда в столовой «У Старого Тихона», за который, как и обещал Пётр Семёнович, платить не пришлось, компания направилась в гостиницу «Деко», располагавшаяся на улице Большой. День, насыщенный событиями и завершившийся такой удачной сделкой, требовал передышки. Завтра их ждал визит на завод Тереховых – последний и не менее важный пункт в их миссии.

Гостиница, в отличие от скромной столовой, оказалась респектабельной: каменное двухэтажное здание с большими окнами, коваными элементами и аккуратной вывеской. Внутри пахло воском, свежей краской и дорогим табаком.

Разместившись в двух соседних номерах – один для Алексея и отца Матвея, другой для Грини и Прохора, – они, наконец, смогли перевести дух. Вечерний свет, пробивавшийся в высокие окна, окрашивал добротную мебель в золотистые тона. Было тихо, слышался лишь приглушённый гул города за стенами.

Усталость, смешанная с удовлетворением от проделанной работы, медленно накрывала их. Но прежде чем погрузиться в сон, каждому из них предстояло обдумать события этого долгого дня, полного не только деловых успехов, но и неожиданных откровений.

Едва успев распаковать нехитрый скарб, Гриня не удержался и, подойдя к окну, принялся с жадностью разглядывать вечерний Иркутск.

– Эх, Проха, глянь-ка! – восторженно прошептал он. – Фонари-то уже зажигают! Совсем как в сказке!

Прохор, сидевший на краю кровати и с наслаждением потягивавшийся, мотнул головой в сторону соседнего номера:

– Тише ты... Барин с батюшкой, небось, отдыхают.

Но и в его глазах читалось неподдельное волнение. Для них, выросших в деревенской глуши, оказаться в таком городе – и правда было редкой, почти непозволительной роскошью.

В этот момент дверь в их номер скрипнула, и на пороге появился Алексей. Он выглядел уставшим, но довольным.

– Слушайте, друзья, – начал он, – я знаю, вам не сидится на месте. Не могу я вас в четырёх стенах держать, пока сам город за окном. Сходите, погуляйте немного.

Гриня чуть не подпрыгнул от радости, а Прохор смущённо улыбнулся.

– Только, чур, далеко не отходить и друг друга не терять, – строго добавил Алексей, но в его глазах светилась тёплая благодарность. Он прекрасно понимал, что моральная поддержка друзей, их уверенное молчаливое присутствие сегодня в конторе Сибирякова придали ему сил. – И вот... – Он достал из кошелька несколько монет и протянул их Грине. – Возьмите. Купите чего-нибудь к чаю. Прохор, передай поклон своей матушке, Катерине Петровне, гостинец ей выбери. А ты, Гринька, – Алексей с лёгкой ухмылкой взглянул на приятеля, – небось, Марфушке, дочке конюха Никифора, глазки строить будешь? Так уж и быть, приволоки ей какую-нибудь сладость, только смотри, не распусти слюни.

Гриня покраснел, как маков цвет, и стгоряча пробормотал что-то невнятное про то, что «она ему не так уж и нравится», чем вызвал добродушный хохот Прохора.

Проводив друзей, Алексей вернулся в свой номер, где отец Матвей уже готовился к вечерней молитве. За окном медленно спускались на город сумерки, а двое парней, весёлые и окрылённые, вышли на улицу, полную таинственных огней и новых впечатлений.

Отец Матвей закончил молитву, перекрестился и медленно повернулся к Алексею. Юноша, сидевший у окна и смотревший на зажигающиеся огни города, почувствовал на себе его спокойный, внимательный взгляд. Алексей немного смутился, предчувствуя, что сейчас батюшка захочет поговорить о том, о чём сам Алексей пока боялся думать.

Так оно и было.

– Ну что, Алексей, – тихо начал отец Матвей, усаживаясь напротив. – День выдался богатым не только на дела, но и на откровения. Давай обсудим в тишине, пока есть время. Твои сны... и та сила, о которой ты говорил в дороге. Ты почувствовал её сегодня, во время переговоров?

Он задал вопрос прямо, без предисловий, глядя Алексею в глаза, будто видя все те смешанные чувства, которые бушевали в душе юноши после удачной, но психологически изматывающей сделки.

Алексей смущённо опустил взгляд, перебирая складки своей одежды.

– Не могу так ответить на ваш вопрос, батюшка, – тихо проговорил он. – Не поймите неправильно... но я и сам толком не понимаю, что со мной происходит. – Он поднял глаза, и в них читалась искренняя растерянность. – Может, вы просто объясните мне сначала, что это такое? И как с этим... работать? Не могу я объяснить, почувствовал я её сегодня или нет. Это не как чувство голода или усталости. Это... как будто чужая память в голове, которая просыпается, когда нужно.

Он умолк, с трудом подбирая слова для того, что не имело названия.

– В конторе Сибирякова... я просто знал. Знал, что он лжёт про соль. Знал, как нужно сказать, чтобы он услышал. Не я думал, а само приходило в голову. Как будто... кто-то подсказывал. Или как будто я вспоминал то, что казалось раньше ненужным.

Отец Матвей внимательно выслушал, его лицо оставалось спокойным и сосредоточенным. Он кивнул, словно подтверждая что-то самому себе.

– То, что ты описываешь, Алексей... это не колдовство и не бесовство. Это нечто древнее, как сами эти земли. – Он помолчал, собираясь с мыслями. – Есть предание, очень старое. Говорят, когда мир был молод, и первые люди пришли в Сибирь, сама земля не хотела их принимать. Слишком сурова она была, слишком сильна.

Он пристально посмотрел на Алексея.

– Но потом духи тайги, гор и вод увидели, что люди могут быть не только захватчиками, но и частью этого мира. И тогда они создали Силу. Не добрую и не злую. Просто Силу. Как ветер, как течение реки. Они вплели её в самую суть этой земли, в камни, в деревья, в воду из глубочайших озёр.

Его голос стал тише, обретая оттенок тайны.

– Эта Сила иногда находит пристанище в людях. Но не во всех. Только в тех, чья душа чиста и чьё сердце бьётся в лад с самой Сибирью. Она даёт не знания, а... понимание. Как будто ты слышишь шёпот земли, чувствуешь правду, скрытую от глаз. Ты не получаешь новых мыслей, Алексей. Ты просто начинаешь помнить то, что уже знает сама земля под твоими ногами.

Отец Матвей развёл руками.

– Но это лишь отголоски, обрывки древней правды. По-настоящему же никто не знает, откуда она пришла и как именно работает. Одних она ведёт к свету, других затягивает во тьму. Всё зависит от сердца человека. Ты сегодня чувствовал её, потому что твои помыслы были чисты – ты думал о деле, о людях, о долге. Ты не искал власти, не искал выгоды для себя. И она откликнулась.

– Но это не значит, что она недоступна тем, кто ищет лишь выгоду, – продолжил отец Матвей, и в его голосе прозвучала суровая нота. – Увы, сила эта слепа, как удар молнии. Она может ударить и в праведника, и в грешника. Чистое сердце – не щит, а лишь один из путей.

Он пристально посмотрел на Алексея, словно взвешивая каждое слово.

– Представь родник с ледяной водой в знойный день. Праведник придёт к нему, утолит жажду и поблагодарит. А жаждущий власти придёт с сосудом – зачерпнёт, унесёт с собой и будет использовать воду, чтобы творить зло. Источник один, а руки разные.

Его голос стал ещё тише, почти шёпотом:

– Самые страшные грехи, Алексей, творятся не от врождённой порочности, а от искажения светлой природы. Сильный духом, но ослеплённый обидой, чистый сердцем, но соблазнённый гордыней – вот кто становится опаснее отъявленного злодея. Ибо он пытается оправдать зло благой целью, а силу, данную для созидания, обращает на разрушение.

Отец Матвей тяжело вздохнул.

– Потому я и говорю – всё зависит от сердца. Но не от его изначальной чистоты, а от того, сумеет ли оно устоять, когда сила придёт. Многие начинали с благих помыслов, Алексей... и заканчивали тем, что сами становились тем, против чего боролись.

– Так мало ответов... – с сожалением прошептал Алексей, чувствуя, как в душе поднимается новая волна вопросов.

– Эти ответы для себя ты найдёшь сам, со временем, – тихо, но твёрдо сказал отец Матвей. – Я не обладаю той силой, лишь той, что Господь мне дал для веры и утешения. Но ты...

Отец Матвей не успел договорить. Дверь в номер с грохотом распахнулась, и на пороге, запыхавшийся, с глазами, полными ужаса, появился Гриня.

– Там Прохор... – он едва мог выговорить слова, ловя ртом воздух. – А-а-ай... За мной! Быстрее!

Прохор и Гриня, довольные и немного ошеломлённые городской суетой, забрели на окраинную рыночную площадь, подальше от парадных улиц. Здесь пахло дымом, дешёвым табаком и жареными пирожками. Гриня увлёкся выбором гостинцев, а Прохор, прислонившись к столбу у одного из ларьков, терпеливо ждал, поглядывая по сторонам.

Именно это его спокойствие, внушительная стать и добротная, хоть и простая одежда привлекли внимание компании из пяти подвыпивших мужиков, ковылявших по площади.

– Батюшки, какой детина вырос! – громко, с притворным восхищением произнёс один из них, верзила в засаленной поддёвке. – Аль на ярмарку богатырей привезли?

Его товарищи захихикали. Прохор промолчал, стараясь не встречаться с ними взглядом, но это лишь раззадорило компанию.

– Чё, молчок, силач? – другой, тощий и вертлявый, подошёл ближе. – Иль язык прикусил?

– Может, он не наш, иноземный какой, – вставил третий, широко ухмыляясь. – Гляньте, рожа-то простая, а одет чисто. Не иначе, барский охранник.

Верзила подошёл вплотную, его дыхание с запахом дешёвого самогона ударило Прохору в лицо.

– Ну что, давай, коли большой такой, нападай! – он тыкнул себя пальцем в грудь. – Иль только вид грозный, а внутри пусто?

Прохор сжал кулаки, но стоял неподвижно, помня наказ Алексея не лезть в драку. Он пытался отойти, но пьяная компания окружила его плотным кольцом. Кто-то толкнул его сзади, кто-то дернул за рукав. Добродушное лицо богатыря стало багровым от обиды и сдерживаемой ярости. Он понимал, что сейчас не удержится, и это могло обернуться бедой.

Именно в этот момент Гриня, заметив беду, бросился бежать в гостиницу за помощью.

Ситуация накалялась. Пьяная компания, ободренная кажущейся безответностью великана, решила позабавиться всерьёз.

– О, смотрите, он ещё и молится! – взвизгнул тощий, увидев, как губы Прохора беззвучно шевелятся.

– Молится! – передразнил его верзила, и тут же кто-то сзади, прицелившись, пнул Прохора сапогом под колено.

Богатырь дрогнул, но устоял. Всё его тело напряглось, как тетива лука. Мускулы на руках вздулись, сжимаясь в кулаки, от которых могли бы треснуть доски забора. Но он стоял, впиваясь взглядом в землю у своих ног, пытаясь погасить бушующий внутри вулкан.

– Мужики... – прорвался у него сдавленный, хриплый шёпот, больше похожий на стон.
– Не нужно... Отстаньте...

Это была не просьба, а последнее предупреждение. Мольба, вырванная не страхом, а отчаянным желанием не подвести Алексея, не создать ему проблем в чужом городе. Но пьяным ушам было невдомёк. Они видели лишь забаву, которая вот-вот могла обернуться настоящей бедой.

Они как будто не замечали этого. В момент, когда кулак самого крупного из мужиков, того самого верзилы, полетел чётко в подбородок Прохора, что-то щёлкнуло. Это был последний момент.

Рука не долетела до цели. Ладонь Прохора, огромная и твёрдая, как железная ловушка, поймала её на подлёте. Мужик, не ожидавший такого, дёрнулся, пытаясь вырваться. Он упирался, тянул, рывком бросал свой вес назад – всё было тщетно. Прохор стоял недвижимо, будто врос в землю. Его рука, сжимавшая запястье нападавшего, даже не дрогнула.

Остальные, опешив на мгновение, с новыми криками набросились на богатыря. Кулаки и пинки посыпались на его спину, бока. Но возникало странное ощущение, будто они бьют не по человеку, а по старому, многовековому дубу – удары глухо отдавались, не причиняя ни малейшего вреда, не заставляя его даже пошатнуться.

А потом Прохор стал сдавливать. Медленно, неотвратно. Его пальцы, подобно стальным тискам, сжимали кости запястья верзилы. Тот застонал, его налитое кровью лицо побелело от боли.

И в этот миг Прохор издал рык. Это был не человеческий крик, а низкий, грудной рёв, полный такой первобытной, необузданной силы, что у всех нападавших на мгновение перехватило дыхание.

– Я ЖЕ ВАМ СКАЗАЛ, ХВАТИТ!!!

Эхом прокатился его голос по площади, заглушив на мгновение весь вечерний гам. Пьяная компания застыла в оцепенении, глядя на искажённое яростью, но всё ещё сдерживаемое лицо великана и на корчащегося от боли их предводителя.

– Прохор! Прохор, нет, остановись!!! – отчаянный крик Алексея прозвучал, когда тот выбежал из-за угла.

Это был тот самый удачный – или роковой – миг, когда Прохор уже был готов совершить то, для чего его, казалось, выковала сама природа: сокрушить. Он шёл на мужика, не отпуская сжатую в тиски руку, и в его глазах горел только огонь слепой ярости. Он не видел Алексея, не слышал его. В голове гудел лишь один набат: *«Я же их предупреждал! Предупреждал!»*

Алексей, не раздумывая, подбежал и встал между другом и его жертвой, глядя прямо в затуманенные гневом глаза Прохора. Тот был похож на разбуженного берсерка – дыхание хриплое, мускулы вздуты, всё тело излучало готовность к убийству.

Прошли мгновения. Алексей не понял, что произошло. Он видел лишь испуганные лица окружающих: мужики с выпученными глазами, отец Матвей и Гриня с застывшими в ужасе лицами, зеваки в окнах, ожидавшие кровавой развязки. Сердце Алексея упало – он опоздал.

И тут он осознал, что все смотрят на *него*. Он обернулся. Прохор стоял за его спиной. Ярость в его глазах сменилась шоком и недоумением. Мужики, воспользовавшись паузой, бросились наутек. Зеваки с разочарованием начали закрывать окна.

– Как?.. – прохрипел Прохор, смотря на Алексея как на призрак. – Как ты это сделал?

– Сделал что? – не понял Алексей.

– Ты оттолкнул меня. Будто перед тобой не я, а мешок с соломой. – удивленно, будто не веря, сказал Прохор

Алексей ошеломлённо посмотрел на свои руки. Он ничего не делал. Он только встал между ними. Или... сделал? Вспышка была настолько быстрой, что не отложилась в памяти – лишь смутное ощущение всплеска энергии, короткого и мощного, вырвавшегося из самой глубины его существа.

В этот момент отец Матвей медленно подошёл к ним. Его лицо было бледным, но взгляд – твёрдым и понимающим.

– Всё кончено, – тихо сказал он, кладя руку на плечо Алексею. – Всё кончено. Идиот, – уже строго обратился он к Прохору, – чуть беды на себя не накликал. А ты... – его взгляд на Алексея стал тяжёлым, – нам нужно поговорить. Сейчас же.

Они молча вернулись в гостиницу. Даже Гриня не решался нарушить тягостное молчание. Прохор шёл, опустив голову, сжимая и разжимая онемевшую кисть. Алексей чувствовал на себе его растерянный, почти испуганный взгляд.

Войдя в номер, Алексей опустился на кровать и сгорбился, сжав голову в ладонях. Он не понимал, что произошло. Он просто хотел остановить друга, не дать ему совершить непоправимое. А в результате...

Отец Матвей закрыл дверь и, помедлив, тяжело вздохнул.

– То, что случилось, Алексей... – начал он, и в его голосе не было осуждения, лишь глубокая серьёзность. – Это не случайность. Ты не просто остановил его. Ты прикоснулся к той самой Силе, о которой мы говорили. И она... ответила тебе.

Алексей поднял голову, в его глазах читалось смятение.

– Но я ничего не делал! Я просто... встал между ними.

– Именно. Ты встал. С чистым помыслом – защитить и спасти. И Сила, что дремлет в тебе, откликнулась на эту потребность. Она не спрашивает, как и что делать. Она просто... исполняет. Как вода заполняет пустоту. Ты стал её проводником.

Отец Матвей подошёл ближе.

– Но запомни, Алексей: то, что ты сделал сегодня – остановил разъярённого богатыря одним движением, – это лишь малая толика того, на что она способна. И далеко не всегда она будет служить благой цели. Сила – это искушение. Чем чаще ты будешь её использовать, тем сильнее она будет влиять на тебя, на твои мысли, поступки. Она может начать подсказывать тебе «простые» решения: устранить врага, сломить волю, подчинить. И ты должен быть сильнее её. Сильнее самого себя.

Он посмотрел Алексею прямо в глаза.

– Сегодня ты прошёл первое испытание. Но это только начало. Тебе предстоит научиться не только пробуждать эту Силу, но и контролировать её. Иначе... она поглотит тебя, и от Алексея Пашнова не останется и следа.

– День и так выдался тяжёлым, – тихо, почти шёпотом проговорил Алексей, отворачиваясь к стене. – Хватит и этого. Нужно спать, завтра рано вставать.

Отец Матвей понял, что дальнейший разговор сейчас невозможен. Он молча кивнул, погасил лампу и лёг на свою кровать. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным дыханием священника и тревожным шорохом, когда Алексей ворочался с боку на бок.

Сон не шёл к нему. За закрытыми веками снова и снова всплывали сегодняшние события. Яростное лицо Прохора. Испуганные глаза мужиков. И то самое, щемящее чувство, когда человека обходит что-то страшное, и он начинает думать: *«А что, если бы... Что, если бы я не успел? Прохор сломал бы тому руку... или хуже. И всё бы рухнуло – и поездка, и доверие отца, и вся наша жизнь»*.

А потом – самое страшное воспоминание. То самое ощущение, которое он не мог объяснить. Не усилие, не напряжение мышц. Нечто иное, хлынувшее из самой глубины его существа, холодное и безразличное, как течение подземной реки. Оно просто... было. И подчинило себе реальность.

«А что, если бы я не просто оттолкнул его? Что, если бы эта сила...»

От этой мысли по спине пробежал ледяной холод. Он впервые по-настоящему испугался. Не за себя – а за того, кем он мог стать.

Глава 7. Санкт-Петербург. 1905 год.

Неделя прошла с того вечера, когда Степан переступил порог его квартиры, а Григорий всё ещё носил в душе незаживающую рану, которую тот так метко вскрыл. Он проснулся на рассвете, и первым, что пришло в сознание, была не утренняя молитва, а знакомое, едкое чувство, разрывавшее его на части.

С одной стороны – боль. Старая, как мир, выжженная в сердце история с Марией. Она не утихала, а, напротив, разгоралась с новой силой, подпитываемая обидой и жадой возмездия. С другой – искренняя, глубоко укоренившаяся любовь к Богу, вера, которая когда-то была для него спасением и утешением. А между ними – соблазнительный шёпот мыслей о праведной мести, о том, чтобы использовать свою силу, чтобы сокрушить тот мир, что сломал его жизнь.

«Как же этот Степан так метко меня подхватил?» – с горьким изумлением думал Распутин, вставая с топчана. *«С виду – тщедушный, а оказался готов к разговору, будто всю мою душу наизусть выучил. Словно знал, куда нажать, чтобы всё внутри закричало».*

Он подошёл к окну, глядя на просыпающийся Петербург. Письмо, оставленное агентом, лежало на столе, нетронутое. Григорий не сжёг его, но и не решился прочесть. Оно было как зажжённый фитиль, ведущий к бочке с порохом. И он чувствовал, что фитиль этот становится всё короче.

– Всё, хватит сидеть тут как затворник! – резко, почти грубо проговорил вслух Григорий, отрываясь от окна.

Он с силой провёл ладонью по лицу, словно стирая с него остатки сна и тяжёлых дум. Когда болит душа – нельзя позволять ей разъесть тебя изнутри. Нужно заняться делом. Он ещё помнил тот старый, испытанный секрет: начнёшь работать, устанешь так, что о всякой напасти и думать не захочется. Тело заберёт всю боль, оставив лишь благодатную пустоту и усталость.

Мысль о епископе Сергии, которую он до этого отгонял, теперь показалась ему единственно верной. Да, тот мог его принять или выгнать. Мог оказать помощь или посчитать просителем. Но сидеть в четырёх стенах в ожидании, пока внутренняя буря не сведёт его с ума, было куда страшнее.

– Пожалуй, пора навестить владыку, – пробормотал он, уже направляясь к умывальнику. – Пусть даже выставит меня вон... – в его голосе прозвучала горькая ирония, смешанная с вызовом. Он был готов к унижению, лишь бы вырваться из этого плена собственных мыслей.

Быстро умывшись и наскоро приведя себя в порядок, Григорий вышел на улицу, твёрдо решив сегодня же добиться аудиенции у епископа. Действие было единственным лекарством от той внутренней раздвоенности, что терзала его душу.

Дорога к епархиальному управлению была неблизкой, но Григорий не спешил, и его шаг, вначале резкий и решительный, постепенно замедлился. Он шёл по улицам Петербурга, иначе как прогулкой это назвать было нельзя. И по мере того как он двигался, с ним происходила удивительная перемена.

Он начал замечать людей – не как безликую толпу, а как отдельных лиц. Встречая чей-то взгляд, он улыбался – просто, по-крестьянски широко и открыто. Какой-то старушке, сгорбившейся под тяжестью узелка, он сказал: «Доброго здоровья, матушка! Дай Бог тебе сил». Уличному мальчишке, замороженно смотревшему на витрину булочной, помахал рукой: «Христос посреди нас, паренёк!»

Люди поначалу отшатывались, оглядывались с недоумением, но, встречая искренний, незамутнённый взгляд и слыша тёплый, грудной голос, невольно смягчались. Кто-то робко крестился, кто-то кивал в ответ.

И с каждым таким маленьким взаимодействием, с каждым произнесённым благословением Григорий чувствовал, как тяжёлый камень на душе начинает понемногу таять. Внутри становилось тепло и светло. Это было странное, почти забытое чувство – не гордыни от своей «святости», а простой, человеческой радости от того, что он может нести хоть крупицу добра и утешения. Искренняя вера, которую он когда-то обрёл, на мгновение возвращалась к нему, согревая изнутри. Он шёл, улыбаясь уже не только прохожим, но и самому себе, и тому небу, что синело над крышами домов. Возможно, путь к спасению лежал не в борьбе с миром, а в таком вот простом, бескорыстном даре ближнему.

Он глубоко вдохнул, задерживаясь на мгновение у знакомых дверей Академии, собрался с мыслями и вошел. В прихожей его встретил тот же монах-привратник, что и в прошлый раз. На лице послушника читалась настороженность, но Григорий, не дав ему заговорить, первым улыбнулся своей новой, светлой улыбкой.

– Мир тебе, брат! – сказал он мягко, без хитрости. – Прошу передать владыке, что Григорий Распутин желает его видеть.

Монах, сохраняя невозмутимое выражение лица, сухо ответил:

– Владыка сегодня не принимает. У него идут плановые совещания по учебному процессу и утверждение сметы на ремонт семинарских помещений. Если у вас есть прошение, вам следует подать его в канцелярию в установленной форме. После регистрации и рассмотрения в порядке общей очереди вам будет назначена дата аудиенции.

Его слова прозвучали как заученная бюрократическая формула, предназначенная отсеять любые попытки непосредственного общения.

– Дорогой мой, – мягко, но настойчиво произнес Григорий, – мы с владыкой в прошлый раз расстались на очень хорошей ноте. У нас был душевный разговор, и он сам выразил желание продолжить беседу. Уверен, он будет рад меня видеть.

Монах оставался непреклонным. Его лицо выражало холодную формальность.

– Послушайте, – произнёс он, и в его голосе впервые прозвучала лёгкая раздраженность, – я желаю вам добра, но пропускать вас не намерен. Правила едины для всех. Без предварительной записи я не могу вас пропустить.

– Что ж, полагаете, что епископ – не слуга Господа Нашего? – голос Григория по-прежнему звучал мягко, но в нём появились стальные нотки. – Разве не может он выделить брату своему немного времени? Незнакомцем я был в прошлый раз, а ныне пришёл с открытым сердцем. Пропусти, добрый человек, вот увидишь, какая милость потом к тебе от владыки будет.

Но монах, будто не слыша его слов, продолжал механически повторять:

– Без предварительной записи я не могу вас пропустить. Таковы правила.

Внутри Григория, под слоем светлого спокойствия, вспыхнула знакомая, едкая злоба. Он не позволил ей отразиться на лице, но в душе закипало возмущение. *«Что за беспорядок в человеческих душах?»* – думал он, глядя на непробиваемого монаха. – *«Прячутся за свои бумаги, за эти листки, что годны разве что печь истопить да в нужнике употребить. Суета сует, а живого слова Божьего не слышат».*

– Понял я тебя, монах, понял, – тихо проговорил Григорий, и в его глазах что-то изменилось. Он понимал, что не может позволить так с собой обращаться. Он представлял не только себя – он говорил от имени всех тех, кого не пускали за эти двери. Он был голосом народа, и этот голос должен быть услышан.

Распутин пошёл напролом. Разумеется, слабые руки монаха, не державшего в жизни ничего тяжелее Библии, не смогли остановить этого статного, мощного мужчину. Григорий, не применяя грубой силы, но и не останавливаясь, просто прошёл мимо, как река обтекает камень. Привратник беспомощно отпрянул, бормоча что-то о правилах и порядке, но его слова потерялись в скрипе половиц под тяжёлыми шагами Распутина.

Григорий подошёл к знакомой двери кабинета епископа и, не дожидаясь ответа на свой тихий стук, вошел внутрь.

Епископ Сергей был не один. Он сидел за столом с другим духовным лицом и при появлении незваного гостя его лицо на мгновение омрачилось лёгкой досадой. Однако, узнав Распутина, владыка мгновенно преобразился, и его черты расплылись в самой искренней, широкой улыбке.

– Григорий Ефимович! – радостно воскликнул он, жестом приглашая войти. – Заходите, располагайтесь!

Он тут же повернулся к своему собеседнику, мужчине с умным, аскетичным лицом и проницательным взглядом.

– Помните, я вам как-то рассказывал о том удивительном человеке из сибирской глубинки, который с таким горячим и искренним рвением несёт свет веры в суровых краях? – с теплотой в голосе произнёс епископ. – Так вот, позвольте представить: это он и есть. Отец Григорий, – он кивнул в сторону Распутина, а затем жестом указал на своего спутника, – а это архимандрит Феофан, инспектор нашей Духовной академии и, между прочим, духовник самой императрицы.

Отец Феофан и Распутин обменялись сдержанными, но вежливыми поклонами. Прежде чем между ними завязался полноценный разговор, епископ Сергей, всё ещё сияя, обратился к Распутину:

– Григорий, я ждал вас ещё неделю назад! Мы даже отправляли к вам человека, чтобы напомнить о нашей договорённости. Я уж начал всерьёз беспокоиться, не случилось ли с вами чего, не дай Бог.

– Видите ли, Григорий, – с лёгким укором, но тепло в голосе продолжил епископ Сергей, – после вашего ухода я сразу же отправил к вам посланника, как только направлялся на службу, и надеялся, что вы придёте уже на следующий день. Но вы, по своей скромности, не пожелав быть назойливым, так быстро удалились, а мне, грешному, опаздывать на службу никак нельзя – особенно епископу. Вот так и вышла эта досадная заминка.

– К сожалению, ко мне не приходил ваш посланник, – искренне удивился Григорий. – В тот вечер у меня никого не было, кроме...

Он резко замолчал, будто споткнувшись о собственные слова. В голове его, словно щелчки, стали сходить мысли: внезапный визит Степана, его осведомлённость, «покровитель», о котором нельзя говорить... *Конспирологи-революционеры, чтоб их... Святотатство да и только!* – пронеслось в его сознании с внезапной и жгучей яростью. Они не просто пришли к нему – они перехватили послание от епископа! Они воспользовались им, как прикрытием, как дымовой завесой для своей крамолы!

– Кроме кого, дорогой Григорий Ефимович? – переспросил епископ, заметив его замешательство.

Сознание Распутина лихорадочно работало. Раскрыть сейчас правду – значит впустить в этот кабинет тень политического скандала, запутать своё чистое, пока ещё чистое, имя в опасных интригах. Нет. Не сейчас. Не здесь.

Он встретил взгляд владыки и мягко улыбнулся, сделавшись снова простодушным и немного рассеянным.

– Нет, никого, владыка, – покачал он головой с притворной досадой. – Старею, видно, память подводит. Перепутал дни, простите мою глупость. В тот вечер я был один. Совсем один.

– Мне так неудобно перед Вами, Григорий Ефимович, – с искренним смущением в голосе проговорил епископ Сергей. – Прошу простить эту неразбериху.

Он позвал того самого монаха-привратника.

– Брат Иоанн, – строго обратился он к нему, – как же вышло, что послание для отца Григория не было доставлено?

Монах, заметно смутившись, опустил взгляд и начал запинаться:

– Владыка, я... я передал его Степану. Он помогал нам во дворе – дрова колоть да и разные поручения еще, когда нужно... Я думал, он донесёт, раз уж по пути...

– И где теперь этот Степан? – перебил его епископ.

– Да не видно его давно было, – покачал головой монах. – К рюмке, скорее всего, присосался, спаси Господи его душу.

Внутри Григория всё перевернулось. Если их агенты уже здесь, в самой Духовной академии, шляются под видом рабочих – в месте, куда, казалось бы, самый отъявленный враг не позарится, – то дела обстоят куда серьёзнее, чем он предполагал. И самое ужасное – он не может никому рассказать об этом. Кому? Епископу, который живёт в своём мире богословских дискуссий и церковных церемоний? Он не поймёт, списав всё на пьянство бедняка. Властям? Так они, возможно, и сами ничего не замечают.

И тут его осенила новая, леденящая душу мысль: насколько же они сильны на самом деле? Если их люди уже здесь, то где их ещё нет? Они ведь как тараканы – плодятся в темноте, и никто их не замечает, пока они не выползут целым полчищем. Обычный люд, поглощённый ежедневной борьбой за выживание, не видит дальше своего огорода. А элита... Куда уж им опускаться до каких-то дворников и дровоколов? Они летают в своих высших сферах, на балах и приёмах, обсуждая политику, не подозревая, что революция зреет не в прокламациях, а в самых низших, невидимых слоях общества – среди тех, кто колет им дрова, моет их полы и подносит им вино. Эти люди невидимы для сильных мира сего, а значит, идеальны для шпионажа и распространения крамолы.

Они везде. И они знают всё. Пока знать танцует вальсы, они методично плетут паутину, в которую может запутаться вся империя.

«Я должен разобраться в этом, но один, не привлекая внимания», – эта мысль пронеслась в голове Распутина. Но движущей силой была не благородная цель защитить Церковь или империю. Нет. Сквозь смятение и гнев пробилось нечто иное, более примитивное и могущественное – жгучее, ненасытное любопытство.

Его ум, всегда жаждавший тайн и скрытых пружин мироздания, ухватился за эту загадку. Кто эти люди? Как далеко простираются их сети? Что движет ими? Он почувствовал азарт охотника, напавшего на след невиданного зверя. Революционеры, проникшие в самое сердце духовной власти, – это была головоломка куда интереснее, чем богословские споры или даже исцеление страждущих.

В этом любопытстве таилась опасность, и Григорий смутно это осознавал. Но искушение заглянуть за кулисы, прикоснуться к скрытым механизмам власти и заговора, было сильнее осторожности. Он решил вести свою собственную, тихую игру.

– Григорий Ефимович, Григорий Ефимович! – епископ Сергей мягко, но настойчиво позвал его, когда Распутин погрузился в свои мысли.

Григорий вздрогнул и вернулся к реальности.

– Спасибо большое, что навестили нас, – с искренней теплотой произнес владыка. – Очень рад был вас видеть. Завтра я лично назначаю вам встречу. Думаю, отец Феофан тоже присоединится – ваш вопрос серьезный и требует внимательного рассмотрения. К тому же, – епископ многозначительно улыбнулся, – мне всегда полезен свежий взгляд на некоторые вещи.

Они обменялись любезными прощаниями, и Григорий вышел из кабинета. Дверь за ним закрылась, оставив его наедине с гулом академических коридоров и новыми, тревожными мыслями.

Выйдя на улицу, Григорий ощущал странную смесь удовлетворения и тревоги. Встреча с епископом открывала новые возможности, но тень революционеров, притаившаяся в стенах самой Академии, заставляла его насторожиться.

Он шёл по мостовой, и в его душе боролись два чувства: светлая надежда на помощь Церкви и тёмное, жгучее любопытство к подпольному миру, который неожиданно раскрылся перед ним. Пути Господни неисповедимы, но и тропы, ведущие во тьму, оказывались куда ближе, чем можно было предположить.

Глава 8. Сибирь. Иркутск. 1905 год.

Несмотря на то, что вчерашний вечерний инцидент основательно выбил всех из колеи, утро принесло с собой облегчение. Сон, пусть и тревожный, сделал свое дело – все чувствовали себя отдохнувшими, даже Алексей, в чьих глазах угасли следы вчерашнего смятения.

Собравшись в столовой гостиницы «Деко» за скромным, но сытным завтраком, компания поначалу была молчалива. Однако долго тягостное молчание длиться не могло, пока рядом был Гриня.

Он, словно заряженный энергией самого утра, принялся наперебой рассказывать забавные истории – то о том, как вчера торговка пирожками приняла Прохора за городского стража и пыталась дать взятку пирожком, то разыграл целую сценку про важного иркутского кота, взвешивающего на суету людей с подоконника. Он так артистично корчил рожи и менял голоса, что вскоре сдержанные улыбки сменились смехом. Даже Прохор, хмурившийся с самого утра, не удержался и фыркнул, а с лица Алексея наконец сошла тень вчерашней озабоченности.

Настроение у компании заметно улучшилось. Предстоящий визит на завод Тереховых уже не казался таким пугающим, а больше походил на новое приключение.

После завтрака они быстро собрались и отправились в путь. Дорога до завода Тереховых пролетела незаметно, но при этом оказалась удивительно насыщенной.

Было приятно вновь проезжать по утреннему Иркутску, уже не как растерянным приезжим, а почти как своим. Солнце золотило купола церквей, играло на островерхих крышах купеческих особняков и на быстрых водах Ангары. Город просыпался, наполняясь гулом голосов, стуком колес по брусчатке, запахом свежего хлеба и дымка из печных труб.

Они проезжали мимо шумного Гостиного двора, где уже кипела торговля, мимо строгих казенных зданий и уютных деревянных домов с ажурными наличниками. Теперь они не просто смотрели на эту красоту, а чувствовали ее пульс. Ведь вчера они сами стали частью жизни этого города – заключили сделку, чуть не подрались, нашли друзей и недругов.

Каждый поворот улицы открывал новый вид, и Алексей ловил себя на мысли, что Иркутск начинает казаться ему почти родным. Эта поездка была уже не просто необходимостью, а путешествием, полным открытий.

Завод Тереховых предстал перед ними не как одно здание, а как целый город в городе: за высоким забором из тёмного дерева тянулись длинные кирпичные корпуса с частыми окнами, из труб которых валил густой угольный дым. Воздух вибрировал от гула машин, лязга металла и приглушённых ударов молотов. Пахло углём, раскалённым железом и маслом.

У проходной их встретил сурового вида приказчик в засаленном фартуке. Но на этот раз Алексей не смутился. Он уверенно назвал своё имя и представил спутников.

– Алексей Пашнов, по рекомендации Петра Семёновича Сибирякова. Мне необходимы чугунные запасные части для молотилки, – его голос звучал твёрдо и спокойно. Боевое крещение переговорами с самим Сибиряковым сделало своё дело – теперь он чувствовал себя не мальчишкой, а полноправным хозяином, ведущим дело.

Приказчик, кивнув, распахнул ворота.

– Прошу, проезжайте к конторе, – почтительно указал он. – Вас там встретят.

Подобных сооружений ребятам видеть ещё не приходилось. Могучие корпуса, грохочущие механизмы и шипящие паровые машины вызвали у них неподдельный восторг. Проснулась мальчишеская страсть ко всему, что движется, гремит и извергает клубы пара.

Гриня, высунувшись из тарантаса, не мог оторвать глаз от судовых двигателей, которые собирали под открытым небом. Прохор смотрел на работу мощных паровых молотов, с лёгкостью кующих раскалённый металл. Даже Алексей забыл на мгновение о деловой цели визита, заворожённо наблюдая за слаженной работой гигантских станков.

Ох, уж эта всеобщая мужская любовь к механизмам, где каждое движение подчинено строгой логике, а сила заключена в отлаженной работе шестерён и валов!

У конторы, как и говорил приказчик, их уже ждал молодой человек в очках и строгом костюме – видимо, один из инженеров или управляющих. Алексей, уверенно выйдя вперёд, ещё раз чётко представился:

– Алексей Пашнов. Мы от Петра Семёновича Сибирякова.

– Да, здравствуйте, нам уже доложили о вашем визите, – молодой человек вежливо поклонился. – Я управляющий завода, Александр Викторович Терехов. Пожалуйста, проходите в мой кабинет. Ваши спутники могут подождать в приёмной.

Он приоткрыл дверь в контору, пропуская Алексея.

– Нужного вам товара на складе действительно осталось немного, но для друзей Петра Семёновича мы всегда найдём возможность помочь. И, разумеется, предоставим специальную цену.

Управляющий слегка развёл руками, извиняясь:

– Простите за некоторую суматоху, но сегодня у нас важный гость – чиновник из Министерства финансов, ведающий горной и промышленной деятельностью, прибыл с инспекцией из Петербурга. К счастью, вы приехали с утра, пока он не начал обход цехов.

Александр Викторович сделал паузу и добавил:

– Мы ждали вас со дня на день, поэтому документы на отгрузку уже подготовлены. Вам останется лишь ознакомиться и подписать.

– Прекрасно вас понимаю, – вежливо, но твёрдо ответил Алексей. – И приношу извинения, если побеспокоили в столь неподходящий момент. Однако, поскольку мы с вами работаем впервые, я не могу подписать документы, пока мой помощник лично не осмотрит товар.

– Ну конечно! – управляющий Терехов с виноватой улыбкой провёл рукой по волосам. – А я-то сразу за подписями погнался, голова уже совсем не варит. Мужичье не слушается, честно работать не хочет... А как вы думали, почему проверка с министерства нагрянула? – Он вздохнул, но тут же взял себя в руки. – Конечно, нужно всё проверить. Мы дорожим отношениями с новыми покупателями, тем более по такой рекомендации.

Александр Викторович позвал помощника, а Алексей в это время обратился к Грине:

– Пойди, проверь всё как следует. Чтобы ни одной трещинки, ни одного люфта.

Гриня кивнул с неожиданной серьёзностью. Если в обычной жизни он был шутом и балагуром, то в механизмах преображался. Эта любовь родилась ещё в детстве, когда он часами мог разбирать и собирать сломанные замки или старые часы, найденные в барском доме. Он интуитивно понимал, как шестеренки должны сходиться, чувствовал малейший перекося вала и мог на слух определить, где подшипник начинает "петь". Для Алексея и Прохора станок был громоздкой железной штукой, а для Грини – живым существом с душой и характером.

Когда Гриня, тщательно проверив каждую деталь, кивнул Алексею, тот поставил подпись на договоре. Управляющий и Пашнов обменялись рукопожатием.

– Ах да, совсем из головы вышло! – вспомнил Александр Викторович. – Пётр Семёнович просил передать, что будет рад самостоятельно доставить всё приобретённое вами.

– Благодарю вас, это прекрасная новость, – ответил Алексей. – До свидания. Надеюсь, мы продолжим наши деловые отношения. Обязательно ждите от нас фирменных окороков.

Компания вышла из конторы и направилась к своему тарантасу. С чувством выполненного долга и лёгкостью на душе они расселись по местам и тронулись в обратный путь.

Пока тарантас медленно проезжал мимо одного из кирпичных цехов, у ворот стояла кучка рабочих, покуривая в перерыве. Один из них, широкоплечий детина в замасленной робе, презрительно хмыкнул и громко, чтобы услышали, сказал:

– Вон, гляньте, какая важная задница! И пешком-то пройти не могут, боятся замарать свои барские ножки в нашей земле. А как с этой земли оброки драть да нашим трудом наживаться – это запросто!

Его товарищи громко и грубо засмеялись. Второй рабочий, заметив Гриню, сидевшего рядом с кучером, ехидно выкрикнул:

– А тебе-то каково барчука обхаживать? Видать, хорошо пристроился! Одежонку его поношенную носишь, важной птицей себя возомнил!

Гриня, обычно сдержанный в таких ситуациях, на этот раз не вытерпел. Он повернулся к обидчикам и спокойно, но твёрдо бросил:

– Заткнитесь.

На мгновение воцарилась тишина, а потом рабочие разразились новым хохотом.

– Ой-ой-ой! Гляньте, заговорил! – передразнил его второй мужик. – А что ты сделаешь-то? Барин твой, небось, наказал рот без спроса не открывать?

Алексей слышал всё с самого начала. Уже с первой, презрительной фразы рабочего в его сознании чётко и ясно возник план действий: нужно остановить тарантас, выйти, и твёрдо, но без высокомерия, ответить. Он знал, что должен это сделать.

Но почему-то он медлил.

Внутри него боролись противоречивые чувства. С одной стороны – жгучее чувство несправедливости и желание защитить друга. С другой – странная, почти парализующая неуверенность. Он был барином, и его слово имело вес, но именно этот вес сейчас давил на него. *«А что, если я только усугублю ситуацию? Скажут, что барин приехал и строит из себя господина. Унизят Грину ещё больше через меня».*

Мысль о том, чтобы применить силу – ту самую, непонятную мощь, что вчера помогла ему остановить Прохора, – даже не возникала. Она пугала его ещё больше. Использовать её в такой стычке казалось кощунственным, как выстрелить из пушки по воробьям.

Его бездействие, эта краткая, но роковая заминка, позволила насмешкам перерасти в оскорбления, а затем и в прямой вызов, брошенный Грине.

– Остановиться! – громко, властно, не оставляя места для возражений, приказал Алексей.

Возница дёрнул вожжи, и тарантас резко замер. Отец Матвей, сидевший рядом, тут же обернулся к нему, на лице его читалась тревога.

– Алексей, подожди...

– Всем оставаться здесь! – перебил его Алексей, его голос звучал сталью, а во взгляде, который он бросил на спутников, была такая непреклонная воля, что даже у Прохора, готового ринуться за ним, вырвалось лишь сдавленное: «Барин...»

– Я выйду один, – отчеканил Алексей, уже отворяя дверцу. – И только попробуйте меня ослушаться.

Он прыгнул на землю и, не оборачиваясь, направился к группе рабочих, чей смех замер, уступив место удивлённому и настороженному молчанию.

– Здравствуйте, господа рабочие, – раздался спокойный, но чёткий голос Алексея. – Вот и я, тот самый барин, что в повозке сидел. Кто хочет мне что-то сказать – прошу, только в глаза и не утаивая. Не в толпе стоять и выкрикивать, а мне лично.

Он стоял перед ними, и мужики, только что такие уверенные, невольно притихли. Парень был молод, лицо юное, но по нему никак нельзя было сказать, что рос он в барских покоях, среди гувернёров да французских книжек. Во всей его осанке – прямая спина, широкие плечи, привыкшие к работе руки – чувствовалась не барская изнеженность, а суровая, мужская выучка. Лицо было спокойным, но не мягким. Взгляд – вот что смутило и обезоружило их больше всего. Он не был злым, не был надменным. Он был... твёрдым. Ясным и не по годам взрослым. Таким взглядом смотрят люди, которые с детства знают цену своему слову и несут ответственность не только за себя. Таким взглядом мог бы смотреть на них молодой, но опыт-

ный мастер, знающий себе цену. В нём читалась не злоба, а холодная, требовательная правота, перед которой их грубая бравада вдруг показалась мелкой и постыдной.

Неловкая пауза затянулась, но ненадолго. Один из рабочих, тот самый детина, что начал перепалку, сделал шаг вперед. Упирая руки в бока, он вызывающе окинул Алексея взглядом.

– А чего ж не повторить-то? – он хмыкнул, оглядываясь на товарищей, ищущих поддержки. – Говорю, ножки свои барские в нашей грязи марать боитесь! На тарантасе по заводу разъезжаете, словно на параде!

Его голос, сначала уверенный, к концу фразы снова набрал силу, подпитываемый одобрительным гулом сзади. И этого оказалось достаточно.

Как стоя, почуявшая, что вожак вступил в бой, остальные рабочие тут же оживились, найдя в себе смелость.

– Верно! Господа важные! – подхватил другой, тощий и вертлявый.

– Ишь ты, как вырядился! – крикнул кто-то из толпы.

– Поди, и не знаешь, как лопату в руках держать! – раздался ещё один голос, под общий хохот.

На мгновение Алексей снова оказался в центре хамоватого хора, но теперь он стоял на земле, лицом к лицу с теми, кто всего минуту назад чувствовал себя безнаказанным за его спиной.

На перепалку уже сбегались другие рабочие с соседних участков. Со всех концов завода тянулись люди в замасленных робах, с любопытством и мрачным удовлетворением в глазах. Всегда интересно посмотреть, как мужик барина унижает – словно свой, родной гнев выходит наружу, находя наконец мишень.

Образовалась плотная толпа, в центре которой стоял Алексей, а перед ним – набравшийся смелости заводила. Шёпот, одобрительные выкрики и ехидные комментарии создавали гулкий, враждебный фон.

– Давай, Ванька, расскажи ему про барскую жизнь! – крикнул кто-то из толпы.

– Пусть знает, как мы тут в грязи ковыряемся! – подхватил другой.

Ситуация стремительно накалялась, превращаясь из словесной перепалки в нечто более опасное и непредсказуемое. Алексей оказался в кольце любопытных и озлобленных лиц, чувствуя, как с каждым мгновением растёт напряжение.

Все ожидали, что сейчас барин, с покрасневшим от унижения лицом, бросит какую-нибудь гневную фразу вроде «Вы не представляете, кто я такой!» и поспешно ретируется в свой тарантас.

Но Алексей сделал нечто совершенно противоположное и потому ошеломительное. Он... рассмеялся. Не истерично, не нервно, а спокойно и даже с некоторой долей искреннего веселья. И при этом продолжал так же уверенно стоять в центре этого враждебного круга, словно наблюдал за забавным, хоть и немного глупым, спектаклем.

Этот смех прозвучал как удар хлыста. Он обезоружил толпу лучше любой угрозы. Насмешки и выкрики стихли, уступив место растерянному молчанию. Мужики смотрели на него с недоумением, пытаясь понять, что же такого смешного этот барчук увидел в их гнев. А Алексей, выдержав паузу, наконец перестал смеяться, и его лицо снова стало серьёзным, но уже без и тени страха или злобы.

– С самого детства помню, – начал Алексей, и его голос, спокойный и доверительный, заставил толпу притихнуть, – когда отец впервые меня наказал... Я тогда отцу Матвею, наставнику моему, вон он в тарантасе сидит, все нервы вытрепал. Но не бойтесь, выходить он не будет – а то я смотрю, вас тут достаточно собралось, а так он выйдет, и вдруг перевес будет на нашей стороне.

В его голосе явно прозвучал сарказм, и по толпе пробежал сдержанный смешок.

– На чём я остановился? Ааа, он, человек Божий, настолько не мог справиться со мной, что как-то не вытерпел, и просто вырвалось у него: «Иди ты в задницу!» – Алексей мастерски передразнил возмущённый шёпот священника.

– Ох, как мне это слово понравилось! Не слышал я такого раньше, и ведь как звучало!

Он сделал театральную паузу.

– Отец вечером приходит и спрашивает: «Ну что, Лёшка, как успехи?» А я ему: «Пап, иди ты в задницу!».

На этот раз смеялась уже добрая половина собравшихся, а улыбки появились практически у всех.

– Отец аж засвирипел, рвал и метал. И с следующего дня объявил: встаю рано утром и иду батрачить на поля. – Алексей махнул рукой, будто перечисляя бесконечный список. – И косить, и за скотиной убирать, и дрова колоть... Этих наказаний было столько, что не счесть.

Его голос стал теплее, задумчивее.

– И знаете, как я полюбил мужичье? Они со мной кашей делились, да такой вкусной, с костра. Приходишь уставший, а на полянке котёл огромный. Как нажрешься – и спать под берёзку, ненадолго... – Он грустно усмехнулся. – Только мужичье-то потом, после работы, отдыхать шли – спать, а то и выпить. А меня кто от моих уроков освобождал? Никто. Сиди, учись, хоть и руки дрожат, и карандаш удержать не можешь. Вот так я с мужичьём всю свою жизнь и провёл.

Алексей обвёл толпу внимательным, понимающим взглядом.

– А смешно, что теперь эти мужики мне же говорят, будто я земли боюсь. Ну, меня – ладно... Но Гриню за что? Друга моего. Не барина, который таким же мужичьём и является.

– Вы уж, наверное, думали, что с кулаками на вас полезу, – Алексей усмехнулся, и в его глазах плеснулся озорной огонёк. – Да незачем мне. Не вижу смысла таким образом доказывать, что вы не правы. Хоть и кулачным боем, не побоюсь этого слова, мастерски владею.

Он словно невзначай сжал кулак, и по толпе пробежал одобрителный гул. Мужики уважали силу, особенно когда о ней говорили без хвастовства.

– Помню, даже за мотыгу подрался, – продолжил Алексей, и его лицо озарилось улыбкой при воспоминании. – Лет двенадцать мне было. А причина-то пустяковая – заточил я её до бритвенной остроты, любую целину как масло режет. После обеда прихожу – а её нет!

Тут уже никто из мужиков не смог сдержаться. Громкий, понимающий хохот прокатился по рядам. Для каждого из них это было как своё, родное воспоминание – пропавший инструмент, общая деревенская боль.

Хохот постепенно стих, и один из рабочих, тот самый детина, что начал всё, выступил вперёд. Его лицо стало серьёзным, а в глазах исчезла насмешка, уступив место усталой горечи.

– Да не за это мы тебя, барин, дразнили, – проговорил он, и в его голосе слышалась не злоба, а давняя, накипевшая усталость. – Не можем мы более... Батрачим реально. С утра до ночи, а конца-краю не видно. А в карманах – ветер.

Он обвёл рукой территорию завода, и его слова подхватили другие, выкрикивая свои обиды, которые копились, вероятно, годами:

– Заплата на заплате, а не одежда!

– Детишки по сусекам крохи собирают!

– Хозяева жируют, а мы – как скотина!

– За любую оплошность – штраф, ползарплаты как не бывало!

– Работаем до седьмого пота, а своим углом обзавестись – несбыточная мечта!

Это был не организованный протест, а стихийный выплеск той боли и несправедливости, что сидела в каждом из них. Они смотрели на Алексея уже не как на врага, а скорее как на того, кто, может, донесёт их правду до тех, кто её не видит и не хочет видеть.

– Что же, – голос Алексея прозвучал твёрдо, но без упрёка, – давайте разберём. Но выслушайте до конца. И ересь мне про то, что «не так всё» и «не эдак» не несите – как я вам говорил, с мужичьём я рос и всё это видел своими глазами.

Он сделал шаг вперёд, и его взгляд скользнул по лицам рабочих.

– Денег у вас нету? Это вы женам своим рассказывайте. А то, что после получки всем цехом идёте и пропиваете всё до копейки – это я сам видел не раз. И не только выпивка, а ещё и в «орлянку» играете до последней рубахи, да к женщинам тем самым идёте, что у трактира дежурят.

Мужики зашумели, пытаясь возразить, но Алексей поднял руку, требуя тишины.

– По одежке своей вы, конечно, интересны. Её вам выдают, деньги за неё не просят. А не выдавали бы – свою бы портили, а оно вам не надо. Да и какая разница, в чём мне было когда-то в поле идти? – Он усмехнулся, глядя на свои когда-то стёртые в кровь ладони.

– А штраф... Вот это интересно. Всё пропито, а выпить охота – ну и используете спирт-сырец, что для лаков да смол берёте. А он для этого не годится. Вот вам и штраф. И что вы мне на это скажете?

Алексей стоял, скрестив руки на груди, и ждал. Его слова, жёсткие и бескомпромиссные, но звучавшие без барского высокомерия, а с пониманием человека, который знал эту жизнь изнутри, повисли в воздухе. Мужики молчали, потупив взгляды. Привычные отговорки больше не работали.

– Нравится вам выходить да кричать, – продолжил Алексей, и в его голосе зазвучали нотки жёсткой, но справедливой укоризны. – И кричать-то кому? Повозке? Смелы вы, ничего не скажешь.

Он обвёл толпу тяжёлым взглядом, давая своим словам проникнуть в сознание каждого.

– Управляющего вашего я видел, разговаривал с ним. Видно – управленец такой, что заботится о своём деле. И о рабочих своих, – Алексей сделал смысловую паузу, – а вы тут его грязью поливаете, вместо того чтобы с ним по-человечески проблемы свои решать.

– Александра Викторовича-то мы в обиду не дадим, – вдруг раздался голос из толпы, и один из рабочих, постарше, с сединой в бороде, сделал шаг вперёд. – Стараемся служить ему честно. Он человек правильный, это верно.

В его словах прозвучала искреннее уважение к управляющему, и несколько других мужиков поддержали его одобрительным гулом. Общий настрой толпы начал меняться – от враждебного к задумчивому и даже немного пристыженному.

– А тогда что вы здесь стоите, да языком молотите с барчуком? – вдруг громко и со смехом крикнул Алексей, и в его глазах снова запрыгали озорные искорки. – А ну, марш на работы, слюнтяи!

Его слова, прозвучавшие не как барский приказ, а почти как дружеский поднач, вызвали среди рабочих смущённый смех и оживлённое движение. Толпа начала быстро расходиться. Мужики, ещё минуту назад готовые к конфронтации, теперь уходили, перебрасываясь шутками и покачивая головами – кто с досадой, кто с невольным уважением к этому странному барину, который сумел и правду в глаза сказать, и по-своему их понять.

– Вы уж простите нас, барин, – сказал тот самый мужик, что первым начал разговор. В его голосе теперь звучало не вызывающее любопытство, а искреннее уважение. – Вы сами-то кто будете? Откуда вам про нашу жизнь знать?

– Алексей Пашнов, – ответил он просто. – Из имения, что в шестидесяти верстах от Иркутска.

– Ну, давайте, барин, – кивнул мужик, и на его лице появилась уважительная улыбка.

– Пашнов? Я не ослышался? – раздался удивлённый голос позади тарантаса.

Алексей обернулся. Возле конторы завода стояли двое: управляющий Александр Викторович и незнакомый мужчина. Незнакомец был одет в строгий тёмно-синий сюртук чиновни-

чьего покроя, под которым виднелся безупречно белый крахмальный воротник. В его осанке, в том, как он держал трость, и во внимательном, оценивающем взгляде чувствовалась привычка к власти и порядку. Это был человек из министерства, тот самый столичный чиновник, приезд которого заставил всех нервничать. Он не сводил с Алексея пристального, изучающего взгляда.

– Все верно, Алексей Васильевич Пашнов, – подтвердил Алексей, слегка смущённый таким вниманием.

– Вы же точно сын Василия Петровича Пашнова! – воскликнул незнакомец, и его строгое лицо внезапно озарилось широкой, искренней улыбкой. – Да, конечно, точно! Я же вижу – глаза не могут меня обманывать.

Он решительно шагнул вперёд и энергично пожал Алексею руку.

– Как же я рад с тобой познакомиться! Ну Вася, сына уродил, – расчувствовался чиновник, с одобрением окидывая Алексея взглядом. – Богатырь!

– Очень рад, – смущённо произнёс Алексей, чувствуя себя немного ошеломлённым таким горячим приёмом.

– Боже, что же это я, забыл представиться! – воскликнул незнакомец, с комичным ужасом хлопнув себя по лбу. – Я – Дмитрий Семёнович Зарский, чиновник особых поручений при Министерстве. С твоим отцом, поручиком Пашновым, мы служили вместе, в 77-м воевали с турками. Я командиром роты был, а он моим заместителем. Как война закончилась, так и разошлись наши пути, больше не виделись. Только переписывались пару раз, да и всё.

Дмитрий Семёнович повернулся к управляющему:

– Спасибо вам, Александр Викторович. Беседа рабочих с Алексеем Пашновым в принципе мне всё разъяснила. Вижу, что в порядке у вас всё. Подпишу завтра все необходимые документы.

Затем он снова обратился к Алексею, и в его глазах запрыгали весёлые искорки:

– А ты, Алексей, если домой собираешься, батю своего извести, что мы на днях к вам приедем. Как доехать, я думаю, узнать будет не трудно. Ждите нас послезавтра. Возьму с собой семью – жену и дочь.

Сказав это, Зарский дружески похлопал Алексея по плечу и, кивнув на прощание, направился обратно в контору в сопровождении несколько ошеломлённого, но явно довольного Терехова.

Алексей же остался стоять возле тарантаса, пытаясь осмыслить этот неожиданный поворот событий. Поездка в Иркутск оказалась куда насыщеннее, чем он мог предположить.

Компания была ошеломлена таким огромным количеством событий в Иркутске, но теперь все мысли были устремлены вперед – нужно было спешить домой, чтобы успеть подготовиться к встрече важных гостей.

Глава 9. Санкт-Петербург. 1905 год.

Григорий шел по знакомой дороге к Духовной академии, и на душе у него было светло и радостно. Он уже привык к этому пути, к этим стенам, и сегодняшний день сулил нечто особенное. Ведь епископ сам пригласил его, да еще и попросил совета – ему нужен был его, Григория, взгляд на некоторые вещи. Эта мысль согревала Распутина больше, чем утреннее солнце.

Он вспоминал их последнюю встречу, теплый прием, участие во взгляде владыки. И пусть в сердце еще тлели угли старых обид и сомнений к верховному духовенству, сейчас они отступали перед чувством востребованности, перед надеждой, что его слово, его понимание веры могут быть кому-то нужны.

Он ускорил шаг, с нетерпением думая о предстоящей беседе.

На этот раз монах-привратник встретил его сухим, без особого энтузиазма поклоном. Григорий, чувствуя натянутость, мягко улыбнулся и обратился к нему с теплотой:

– Брат Иоанн, я очень горжусь и уважаю людей, кто так ревностно исполняет свой долг. Прошу, не держите на меня зла. Я не мог поступить иначе. – Он помедлил, давая словам проникнуть в сердце монаха, а затем продолжил: – Как говорится в притче: «Путник, идущий в гору, не гневается на камень, что преграждает дорогу. Ибо камень лежит там не по злой воле, а по воле Того, Кто гору сотворил. Мудрый путник обойдет его с миром, ибо знает – и камень на своем месте служит».

Распутин хорошо понимал простую истину: отношения с любым человеком, каким бы незначительным он ни казался, стоит поддерживать в мире и добром согласии. Никогда не знаешь, чья помощь или молчание окажутся решающими в час испытаний.

– Ничего, проходите во двор, – ответил брат Иоанн, и хотя голос его по-прежнему звучал сдержанно, суровые складки вокруг рта смягчились. – Владыка сказал, что будет ждать вас там.

Монах отступил в сторону, пропуская Григория. Его лицо оставалось неподвижным, но в глазах, обычно строгих и отстранённых, теплилась искорка – не просто удовлетворение, а тихая, почти стыдливая радость от услышанных слов.

Двор Духовной академии был прекрасен в своей строгой, возвышенной гармонии. Пространство, окруженное монументальными стенами из красного кирпича, напоминало скорее уединённый монастырский клирос, нежели обычный городской двор.

В центре, на ухоженном зелёном газоне, возвышался старый, раскидистый дуб, под сенью которого стояли деревянные скамьи для размышлений и бесед. От главного корпуса к жилым флигелям вели мощёные дорожки, а вдоль стен, в тенистых уголках, цвели сирень и жасмин, наполняя воздух тонким, сладковатым ароматом.

С одной стороны двора находилась небольшая, уютная часовня с золочёной главкой, с другой – виднелся вход в библиотеку. Воздух здесь был наполнен особой тишиной, нарушаемой лишь мерным звоном колокола с соседней колокольни и щебетанием птиц в ветвях дуба. Это место дышало миром, учёностью и молитвой, создавая ощущение отрешённости от суетного мира за стенами.

Среди цветущих клумб, медленно прогуливаясь с задумчивым видом, двигался епископ. Его взгляд был устремлён куда-то вдаль, а пальцы перебирали чётки.

Григорий тихо подошёл к нему и с почтительным поклоном поздоровался:

– Мир вам, владыка.

Епископ встрепенулся, и его лицо, как обычно, озарилось радушной улыбкой при виде Распутина.

– Григорий Ефимович, как я рад вас видеть!

Однако Григорий, обладавший редкой способностью чувствовать состояние души собеседника, сразу уловил: за этой привычной приветливостью скрывалось беспокойство. В глазах владыки читалась не просто задумчивость, а глубокая, сокрытая тревога.

Распутин понимал, что эта тревога возникла не на пустом месте. Он мягко, почти потечески, взял руку епископа и своим низким, бархатным голосом, обладавшим удивительной силой утешения, тихо произнес:

– Разрешите, отец, я вам прочитаю молитву.

Не дожидаясь ответа, он начал нараспев, вкладывая в каждое слово глубокую, идущую от сердца веру:

– Господи, даруй рабу Твоему Сергию мир душевный, силу в скорбях и ясность в помыслах. Освети путь его светом Твоим и не остави в час сомнений. Аминь.

– Простите меня, владыка, – продолжил Григорий, не выпуская его руки, – но я заметил, почувствовал всем нутром, как кричит ваша душа.

Епископ замер. Его глаза расширились от изумления, в них читалось не просто удивление, а потрясение от того, что этот человек смог так безошибочно и прямо коснуться самой сути его состояния. И тогда произошло странное: с плеч епископа будто свалился невидимый тяжёлый груз. Он выдохнул, и его осанка, прежде напряжённая, смягчилась.

– Спасибо, брат мой, – тихо, но с новой лёгкостью в голосе произнёс он. – Мне... мне действительно стало лучше.

– А теперь прошу вас, расскажите мне то, что вас так мучает, – мягко, но настойчиво сказал Распутин. – Я не желаю говорить ни о чём более, пока не разделю с вами вашу ношу.

Он произнёс это с подобающим участием, и его лицо выражало искреннее сострадание. Однако в глубине души Григория уже не было прежней бескорыстности. Теперь им двигало не только желание помочь, но и жгучее любопытство, а также тонкий расчёт. Он понимал: чем глубже будет его проникновение в тайны и заботы сильных мира сего, тем прочнее станет его собственное влияние. Эта мысль, тёплая и властная, уже пустила корни в его сердце.

– Да, я буду рад поделиться с вами своими тревогами, – ответил епископ, и в его голосе послышалась лёгкая облегчённость. – Но, пожалуй, давайте пока неспешно прогуляемся и побеседуем о чём-нибудь более отвлечённом. Я как раз жду архимандрита, инспектора академии, которого вы видели в прошлый раз. Как только он присоединится к нам, я расскажу обоим всё, что тяготит мою душу.

Они неспешно прогуливались по двору, вдыхая пряный аромат цветущего жасмина и свежесть скошенной травы. Беседа текла легко и непринуждённо, словно между старыми друзьями. Они расспрашивали друг друга о детстве, о первых шагах на духовном пути, вспоминали забавные случаи из семинарской жизни, смешные проделки однокашников и свои собственные ребяческие ошибки.

Однако, если смотреть со стороны, в этой, казалось бы, равной беседе была существенная разница. Епископ Сергей, чья душа только что облегчилась молитвой Григория, говорил с поразительной открытостью. Он с улыбкой рассказывал о том, как в юности путал тексты молитв, или как однажды, увлечшись чтением, просидел до утра в библиотеке и проспал утреннюю службу.

Распутин же, напротив, был подобен глубокому озеру – на поверхности играла рябь общих фраз и уклончивых шуток, а всё существенное, все те острые углы и тёмные закоулки его прошлого, что и делали его тем, кем он был, оставались под спудом. Он мастерски создавал иллюзию откровенности, не раскрывая ни единой по-настоящему важной тайны своей души.

Архимандрит Феофан прибыл спустя некоторое время. Обменявшись с ним любезными приветствиями, отец Сергей пригласил всех сесть на скамейку в тени старого дуба.

– Прошу, располагайтесь.

Однако Григорий вежливо, но твёрдо отказался.

– Позвольте мне остаться стоять, владыка, – сказал он с почтительным наклоном головы.
– В знак глубочайшего уважения я хочу услышать ваше душевное излияние лицом к лицу.

Внешне это выглядело как жест смирения и почтения. Но истинная причина была иной. Распутин интуитивно понимал, что, занимая позицию стоя перед сидящими собеседниками, он психологически усиливает своё присутствие. Так он не только сохранял ту особую связь, что установилась между ним и епископом, но и сразу заявлял о себе как о значимой фигуре в предстоящем разговоре, оказывая воздействие на обоих духовных лиц. Он встал на идеально выверенном расстоянии – достаточно близко, чтобы они могли видеть его ясно, не приподнимаясь, и в то же время так, чтобы его статная фигура на фоне неба и деревьев производила максимальное впечатление.

Григорий внимательно наблюдал за архимандритом. Тот был спокоен, но в его пронизательных глазах читался живой, острый ум. Распутин чувствовал – этот человек не обделён даром глубокого понимания, той высшей силой предчувствия, что позволяет видеть суть вещей. Игра предстояла тонкая.

– Я благодарен, что вы здесь, со мной, – начал отец Сергей, его голос дрогнул. – Боль моя внутри не из-за личных причин, а из-за веры нашей и всей Империи. Я вижу, чувствую беду, что назревает... Нет, беда уже здесь. Беда касается всего.

Он сгорбился, сжимая в руках чётки.

– Элита погрязла в грязи, в похоти, в бесконечных балах и распутстве, пока народ голодает. Они забыли о долге, о чести, думают лишь о собственном обогащении и удовольствиях. А низы... простой народ... всё реже обращаются к Господу, всё меньше любви в их сердцах – друг к другу, к ближнему своему. Злоба, зависть, отчаяние... Даже среди наших братьев во Христе, – голос епископа сорвался в шёпот, – хватает тех, кто более заботится о своём положении и богатстве, чем о спасении душ паствы. Прости нас, Господи...

Он помолчал, собираясь с силами, и затем произнёс самое тяжёлое:

– А наш Государь Император Николай Александрович... Он носит корону в самые тяжкие времена. После Кровавого воскресенья, позора в войне с Японией... Власть его шатается. Он благочестив, но колеблется, ищет опоры, а окружение раздираемо распрями. И над самой царской семьёй висит тень... болезнь наследника, цесаревича Алексея... Эта тайная скорбь подтачивает их силы. Я молюсь за них, но в сердце моём растёт страх. Империя наша стоит на краю пропасти, и я не знаю, хватит ли у нас веры, чтобы удержать её от падения.

– Братья мои, – тихо произнёс архимандрит Феофан, и хотя обращаться так к епископу в его присутствии было не совсем уместно, здесь, под сенью старого дуба, в эту минуту откровения, они не могли быть для друг друга никем иным. – Я тоже это вижу. Будучи духовником императрицы, я наблюдаю, как всё меняется. Даже в её взгляде, прежде столь ясном и твёрдом, теперь всё чаще читаю тревогу и усталость.

Он продолжил, раскрывая тягостные детали:

– При дворе царит смятение. Министры спорят меж собой, не находя согласия. Финансы расстроены войной, а в народе зреет гнев. Сами видите – забастовки, волнения... Императрица же всё более удаляется в себя и в молитву, ища утешения, ибо здоровье наследника, цесаревича Алексея, – это постоянный источник её глубочайших страданий. Врачи бессильны, и эта неизбывная скорбь отравляет всё вокруг. Государь же, человек глубокой личной веры, кажется, теряет нити управления в этой буре.

Григорий стоял недвижимо, впитывая каждое слово. Он был подобен ястребу, замершему в высоте и выжидающему идеальный миг для стремительного броска. Он понимал: сейчас, в этой атмосфере отчаяния и растерянности, он должен проявить себя, произвести впечатление, которое навсегда привяжет к нему этих могущественных мужей. Его час пробил.

– Вижу, вы в печали и в горести, – начал Распутин, и его низкий, бархатный голос прозвучал с такой неожиданной властью и спокойствием, что мгновенно перехватил инициативу

в разговоре. Теперь казалось, будто это двое высоких духовных лиц пришли к нему, простому мужику, за советом и утешением. – Хоть нам, православным, и нельзя сему поддаваться, ибо сказано: «Скорбим, но не отчаиваемся».

Он сделал паузу, давая словам проникнуть в сердца слушателей.

– Я вам скажу, как в народе нашем мудро говорят: «Беда не приходит одна». Такова жизнь, таковы испытания, что посылает нам Господь для укрепления духа. – Он возвёл очи к небу и нараспев процитировал: – «В мире скорбны будете, но мужайтесь: Я победил мир». От Иоанна, глава шестнадцатая.

– Сложности и трудности ковали дух нашего простого люда веками, – продолжил Распутин, и в его глазах вспыхнул огонь глубокого понимания. – Мужик голодал – и научился добывать хлеб из самой скудной земли. Баба теряла детей – и находила силы рожать новых. Вся наша крестьянская жизнь – это школа выживания, где каждый день – экзамен на стойкость. А элита? Дворяне в большинстве своём отдыхали на бархатных подушках. Даже управлением имений у многих заправляет не барин, а тот же мужик-управитель. Вот вам и ответ.

Он замолчал, и по его лицу пробежала тень озарения. В голове у Распутина, будто вспышка, сложилась ясная и пугающая картина.

«Так вот почему правда-то у революционеров такая цепкая! – пронеслось в его сознании. – Дело даже не в том, что их больше. Они стали сильнее своих хозяев! Сильнее духом, закалённее. Элита сама, своей праздностью и отрывом от земли, воспитала себе тех врагов, против которых теперь нет победы. Как можно победить того, кто голодал и выжил? Кого мороз щадит, а болезни не берут? Они теперь как земля, что их кормила, – терпеливая и неумолимая. И семя бунта в ней прорастёт, сколько ни топчи».

Эта мысль была настолько ясной и мощной, что на мгновение он забыл о своих расчётах. Он увидел не просто политическую угрозу, а неумолимый закон бытия, который сама власть проигнорировала.

– Григорий Ефимович говорит суровую, но правдивую речь, владыка, – тихо произнёс архимандрит Феофан. – И доводы его... крепки.

– Как же нам быть, брат Григорий? – обратился к нему владыка Сергей.

В его голосе, как и во взгляде архимандрита Феофана, читалась не просто просьба, а глубокая, почти сыновняя надежда. Они смотрели на Распутина так, как смотрят на того, кто в смятении держит единственный ключ от спасения, – с доверием, смешанным с мольбой.

И хотя ум Григория всё ещё был поглощён только что пережитым озарением, сердце его отозвалось на это молчаливое призывание тёплой, могучей волной. Внутри него вспыхнула радость – острая, пьянящая, сладкая. *Вот оно*, – пронеслось в его душе. *Вот момент, когда сильные мира сего, эти князья Церкви, обращаются ко мне, к Гришке Распутину, как к духовному отцу, ища руководства.* Это было признанием его силы, его дара, его избранности. И в этом признании таилась власть, к которой он всегда, пусть и бессознательно, стремился.

– Выход я, может, и найду, братья, – смиренно опустив глаза, проговорил Распутин. – Но как мне, простому священнику из сибирской глубинки, обладать полным знанием? Я могу лишь сердцем чувствовать да народной мудростью делиться. А вот вся полнота сведений о тонкостях государственных дел, о всех этих хитросплетениях – она у вас, у просвещённых мужей, у столпов нашей Церкви. Без вашего светлого разума и широкого кругозора мои слова – что семя, упавшее на камень.

Эта показная скромность была тонким расчётом. Григорий создавал неприступный тыл: если в будущем его советы приведут к неудаче, его нельзя будет обвинить в самоуверенности или обмане. Ведь он всего лишь «простодушный странник», делившийся своими мыслями, а решающее слово и ответственность оставались за теми, кто «обладает полным знанием». Так, прикидываясь простушкой, он ловко снимал с себя возможные будущие обвинения в дьявольском искушении или властолюбии, оставляя за собой лишь ауру смиренного провидца.

Внутри Григория всё переворачивалось и кипело, будто в котле. Ещё так недавно он был никем – простым странником из сибирской глухомани. А теперь... Теперь князья Церкви, эти могучие дубы на ниве Господней, смотрят на него с надеждой, ища у него, у Гришки, совета и поддержки. И в то же время из тени, из подполья, ему навстречу тянется другая сила – грубая, яростная, готовая смести всё на своём пути. И та, и другая сторона хотят его. Нуждаются в нём. Таким востребованным он не был никогда.

И в этот миг, под сенью старого дуба, в тихом дворе Академии, в нём что-то переломилось. Осторожность, сомнения, страх – всё это оказалось хламом, ненужным балластом.

«Хватит, – сказал он себе с внезапной, стальной ясностью. – Хватит прятаться. Хватит метаться между верой и мстью, между смирением и гордыней. Пришло время не ждать, а действовать. Пришло время не просить, а брать. Если уж судьба подносит мне такую чашу, значит, так тому и быть. Я стану тем, кем должен стать. Не орудием в чужих руках, но силой, что сама будет вершить судьбы».

И с этой новой, обжигающей решимостью он поднял голову и встретился взглядом с епископом и архимандритом. В его глазах уже не было ни смирения, ни расчёта – лишь спокойная, бездонная уверенность в своей правоте и своей силе.

– Сейчас я проведу священный обряд, братья мои, – голос Григория прозвучал глухо, но с непоколебимой уверенностью. – Такого вы не видели никогда. Но не страшитесь, ибо мною управляет рука Господа нашего. Как я говорил, я могу предотвратить лишь то, что видел и что знаю. Но этого хватит, чтобы отвести эти беды, хоть и на время.

Он верил, что у него получится. Та сила, что горела в нём с каждым днём всё ярче, сейчас требовала выхода.

Григорий начал произносить молитву. Но это была не каноническая молитва – это был сокровенный, личный вопль его души, прерываемый низким, животным мычанием. Всё его тело напряглось, как тетива; мускулы вздулись, а на лбу и висках проступила паутина налившихся кровью вен. К концу молитвы тонкая струйка крови потекла из его носа. Казалось, сама плоть не выдерживала того напряжения, что рвалось наружу.

Вокруг них воздух зашевелился, наполнился странной, звенящей тишиной, будто всё мироздание на мгновение затаило дыхание. Это был не ветер – это было ощущение незримого, грозного Присутствия. Епископ Сергей и архимандрит Феофан, ставшие в этот миг истинными братьями Григорию, почувствовали, как их души затопляет волна неземного, всеобъемлющего спокойствия и чистой, ничем не омрачённой радости. Это было подобно тому, как если бы после долгой, изнурительной бури наступила внезапная, благословенная тишина, дарящая уверенность и надежду.

Григорий закончил и, пошатнувшись, чуть не рухнул на землю, но архимандрит Феофан успел подхватить его. Распутин был страшен: лицо его было бледно и покрыто потом, губы тряслись, всё тело била мелкая дрожь, будто он только что вынес нечеловеческие муки.

Епископ, встревоженный, уже хотел звать монахов, чтобы те отнесли Григория в постель, но Распутин слабым, но твёрдым жестом остановил его.

– Нет... Эти муки я должен выстоять... ради Веры нашей... ради Отчизны... – он с трудом перевёл дыхание. – Позвольте... в таком состоянии... благословить вас, братья... Ведь сами... вы были свидетелями... прикосновения через меня... Святого Духа...

С благоговейным ужасом и безмерной благодарностью епископ и архимандрит склонили головы, принимая благословение от этого измождённого, но теперь в их глазах святого человека.

А Григорий, опираясь на архимандрита, думал лишь одно: *«Всё получилось»*. Никакие муки не могли сравниться с этим упоением. Он прошёл бы через них снова и снова, лишь бы вновь испытать эту пьянящую сладость – сладость обрётённой власти и сознания собственной избранности, что жгла его душу куда сильнее, чем любое пламя.

Глава 10. Санкт-Петербург. 1905 год.

Прошло три дня. Григорий неспешно прогуливался по улицам Петербурга, стараясь упорядочить в голове нахлынувшие мысли. Он много размышлял о демонстрации своей силы в Духовной академии, о её истоках, которые оставались для него загадкой, и о главном вопросе: на чью сторону встать – властей или революционеров? Было неясно, кто одержит победу, а ему хотелось быть с победителями.

Свежий воздух помогал яснее думать, хотя Григорий редко выходил без дела. После случившегося в академии к его двери шёл нескончаемый поток людей – бедняки и аристократы, купцы и мещане. Одни просили благословения, другие – совета в житейских делах, третьи – исцеления от недугов, четвёртые – заступничества перед властями. Всё это отнимало силы.

Продолжая прогулку, он внезапно осознал: незачем выбирать сторону сейчас. Можно работать на обе, а решение принять позже, когда исход станет очевиден. Благодаря растущему авторитету, он мог диктовать революционерам свои условия. Если же власти заподозрят его в связях с крамоллой, он всегда сможет заявить, что внедрился в их ряды для спасения Отчизны – ведь он дал слово помочь архимандриту и епископу, а они, без сомнений, поручатся за него.

Решение стало ясным, словно этот редкий солнечный осенний день в Петербурге. Теперь нужно было вернуться на квартиру и прочесть письмо.

Он почти бежал до своей квартиры на Гороховой – когда цель наконец проступает в сознании с кристальной ясностью, ноги сами несут тебя вперёд, не чувствуя усталости.

У подъезда, как он и ожидал, уже толпились его прихожане и просители. Жгучее желание поскорее прочесть письмо боролось в нём с холодным расчётом. Прогнать их сейчас – значит позволить поползти слухам о высокомерии и недоступности «старца». А этот тщательно создаваемый образ доступного народного заступника был ему сейчас нужен как никогда.

Григорий, слегка отдышавшись, поднял руку, призывая к тишине.

– Через пять минут, – объявил он собравшимся, – первый может заходить.

Толпа заволновалась, послышались споры о том, кто пришёл раньше, чьи беды не терпят отлагательств. Не обращая на это внимания, Распутин открыл дверь и вошёл в квартиру.

Внутри он быстро привёл себя в порядок. Занял своё обычное место для приёма – массивный стул в центре комнаты, стоящий напротив двери. Зажёг несколько восковых свечей, чей трепещущий свет отбрасывал на стены причудливые тени и создавал атмосферу таинственности. Поправил на столе лежащее перед ним Евангелие, придавая композиции вид священнодействия. Теперь он был готов. К приёму, к игре, к поддержанию легенды. А письмо... Письмо могло подождать. Оно было его тайным козырём, и разыгрывать его следовало с умом.

Первым вошел, как и следовало ожидать, богатый посетитель – дородный мужчина в щегольском сюртуке, с золотой цепью на жилете и холёными руками, никогда не знавшими труда. Он начал рассказ о желании совершить благое дело – восстановить храм недалеко от Петербурга, встретив, по его словам, необъяснимые препятствия.

Григорий слушал спокойно, прекрасно понимая истинную подоплёку: духовенство искало щедрого подрядчика, а этот делец – выгодный контракт под благовидным предлогом. Отказать такому влиятельному человеку было нельзя. Распутин благословил его начинание, прочитал молитву. Богач выслушал её с рассеянным видом, не перекрестившись и не сказав «Аминь».

Внутри Григория закипела ярость – не оттого, что тот был далёк от веры, а от наглой лжи, прикрытой благочестивой маской. Сдержавшись, он лишь уточнил:

– Кто же именно отказывает вам в этом богоугодном деле?

– Настоятель храма, – последовал ответ.

Григорий взял лист бумаги, написал ходатайство и подписал внизу: «Г. Распутин». Он знал – настоятель, увидев эту подпись, немедленно согласится. За одни сутки духовенство города узнало имя Распутина, а за ним угадывалась тень самого владыки.

Толстяк благодарно улыбнулся, предложив деньги. Григорий, как и полагалось, отказался, но добавил с особым ударением:

– Все мы должны помнить доброту тех, кто в час нужды помог.

Посетитель кивнул с деловым пониманием – намёк был принят – и удалился.

Дверь закрылась за последним посетителем, и наступившая тишина показалась оглушительной. Обычный день, наполненный просьбами, жалобами и притворным участием, вытянул из Григория все силы. Но теперь, когда суeta осталась за порогом, им овладела одна мысль.

Он стремительно подошёл к столу, заваленному бумагами, и начал лихорадочно их перебирать. И вот – под кипой исписанных листов и церковных брошюр он увидел его. Конверт, тот самый.

Григорий взял его в руки и замер. Пальцы сомкнулись на пожелтевшей бумаге, и он на мгновение закрыл глаза, стараясь продлить это сладкое, щемящее предвкушение. Весь день он откладывал этот миг, и теперь он принадлежал только ему.

Он аккуратно разорвал конверт и развернул сложенный лист бумаги. Текст был написан чётким, безличным почерком:

«Уважаемый товарищ Распутин,

Ваши влияние и способности могли бы очень сильно помочь благу делу – восстановлению справедливости, созданию равенства в нашей Родине, наказанию угнетателей и поощрению угнетённых.

Каждую ночь наш человек будет ждать вас ровно в полночь у Казанского Собора. Если вы принимаете наше приглашение, то в указанное время вы должны будете прийти к нему, упасть на колени и молиться так, будто у вас горе. Наш человек подойдёт к вам, и со стороны будет казаться, что он хочет вам помочь. Он отведёт вас на самую важную в вашей жизни встречу.»

Григорий медленно опустил руку с письмом. Уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке. Театральность, конспирация – всё это было ему знакомо. Но за этими словами стояла реальная сила, и он это чувствовал.

Распутин бросил взгляд на часы и понял, что должен выдвигаться немедленно. Он наспех накинул верхнюю одежду и вышел в ночной Петербург.

Он ещё не видел город в это время суток. Воздух был напоен иной, скрытой жизнью. Вот она – изнанка столицы, мир секретов и тайн, что прячется за фасадом дневного благоприличия. Они были повсюду: в одиноком огоньке в окне, в скрипе двери в тёмном проходе, в промелькнувшей тени. И теперь он, Григорий Распутин, стал частью этого скрытого мира, его звеном, его игроком.

Подойдя к Собору, Григорию показалось, что полночь уже наступила – вокруг царил гнетущая тишина, и лишь в самом здании мерцали одинокие огоньки, словно выжидающие чьего-то прихода. Медлить он не стал. Вокруг не было ни души.

Он мастерски вошёл в роль: опустился на колени на холодные камни мостовой, воздел руки к небу и начал шептать отчаянные молитвы, полные подлинной скорби – ведь в его сердце её было с избытком.

Всё произошло точно по сценарию. К нему приблизился мужчина, от которого пахло углём и сажей – вероятно, кочегар. Тот коротко бросил:

– Никаких разговоров. Идём, будто от горя ног не чувствуешь, а я поддерживаю.

И они поплелись, эта странная пара: «убитый горем» странник и его «спутник». Улицы были погружены в непроглядную тьму, будто фонари погасли специально. Здание, в которое

они вошли, в темноте разглядеть было невозможно. Внутри поднялись на второй этаж, вошли в квартиру. Проводник указал на стул:

– Тишина. Ждите. Скоро к вам подойдут.

Григорий не знал, сколько прождал в тишине, но время тянулось мучительно долго. В душе зашевелились червячки сомнения – неизменные спутники ситуаций, когда не знаешь, правильный ли выбор сделал.

Вдруг послышались шаги. Судя по звуку, людей было не менее четырёх. Но в дверь вошёл лишь один. Мужчина подошёл к столу и зажёл небольшую свечу. Вспыхнувший огонёк осветил лицо, казавшееся обычным – лицо рабочего, но с умными, проницательными глазами человека образованного. Григорий сразу отметил натруженные руки и скромную, но опрятную одежду: простая косоворотка, поношенная жилетка и штаны из грубой ткани.

Незнакомец заговорил полным голосом, но на удивление тихо – явно привыкший к конспирации. Слова долетали только до Распутина, за стеной не было слышно ни звука.

– Здрав будь, Григорий! Меня зовут Иван, и да, это моё настоящее имя. То письмо писал я. Да, я рабочий, умеющий красиво излагать мысли. Да, я образован. И нет, я не тот «покровитель», о котором тебе говорил Степан. Он должен был встретиться с тобой сам, но ты долго решался, а его сейчас нет в городе. Я – его правая рука, заместитель – называй как хочешь.

Распутин был поражён: Иван буквально прочитал его мысли, заранее ответив на все вертевшиеся в голове вопросы.

– Поэтому, – продолжил Иван, – если я ответил на твои вопросы, теперь будет честно, если ты ответишь на мои.

Не дав ему задать вопрос, Распутин перебил:

– И тебе здравия, Иван. Отвечу на твой первый вопрос, хотя ты его ещё не задал: решился я потому, что хочу быть с победителями в том, что грядет. Да и к народу я всё же ближе. На второй вопрос: умею я тонкую игру вести, не сомневайся. И не смотри на мой облик – не буен мой нрав, и когда надо, умею себя в руках держать.

Иван вполголоса рассмеялся:

– Ох, Гриша, будь все такими, как ты, – я бы столько времени не тратил!

– Если уж познакомились, то слушай меня... – начал Иван, но не успел договорить.

– Нет, – голос Распутина прозвучал с неожиданной стальной твёрдостью, а во взгляде вспыхнула уверенность, не терпящая возражений. – Это ты, Ваня, меня слушай.

Он сделал паузу, давая словам проникнуть в сознание собеседника.

– Когда вы приходили меня вербовать, я был в совершенно ином положении. Теперь же всё иначе. Поэтому все условия буду ставить я. И мне потребуется полная, – он сделал ударение на слове, – полная картина происходящего. Без неё разговора не будет.

Иван дрогнул. Мгновенная, животная реакция – резкий вздох, напряжение в плечах, взгляд, на миг метнувшийся к двери. Годы жизни в подполье, постоянной опасности и необходимости мгновенной оценки угрозы накрепко вбили в него этот инстинкт. Но уже в следующее мгновение он взял себя в руки. Дрожь ушла, сменившись привычной, натренированной сдержанностью. Он даже усмехнулся уголком губ, но в глазах не было и тени веселья.

– Конечно, – произнёс он, и его голос вновь обрёл прежнюю, контролируемую тишину. – Мы были очень рады твоим успехам. А то, что ты вытворял в Духовной академии... это и впрямь прекрасно. Но я не дам тебе полную картину, Гриша. Несмотря ни на какое твоё положение. Хоть ты с самим императором вроде как знаком будь. Не могу я себе позволить такой риск. Ты ещё не заслужил доверия. Моего доверия.

– Я всё понял. Мне это не подходит. Прощай, – отрезал Григорий, поднимаясь со стула. – Я сжёг письмо, не беспокойся. И об этой встрече забуду.

Он развернулся и направился к двери.

– Гриша, хватит, – послышался за его спиной спокойный голос Ивана. – Сядь на место. Если думаешь такими манипуляциями торговаться, то ты выбрал не того собеседника. Разумеется, твоё положение в нашей организации не будет низшим. Но за любой вход нужно платить. Платить доверием. Думал, ты это понимаешь.

Григорий резко обернулся. Его глаза, до этого полные показного безразличия, вспыхнули огнём подлинного возмущения.

– Разве недостаточно доверия, что я пришёл к вам сюда? – его голос, до этого сдержанный, зазвучал громко и страстно, нарушая конспиративную тишину комнаты. – Пришёл один. А как пришёл ты, Ваня? Сколько людей там, за дверью? Может, это вы должны завоевать моё доверие? Об этом ты, конечно же, не задумался.

Он сделал шаг навстречу Ивану, и его фигура, казалось, заполнила собой всё пространство.

– Чтобы быть с вами, я иду против принципов своих, против веры своей и людей, с которыми связан! И это вы называете недостатком доверия?!

Иван медленно поднялся. В его глазах не было ни гнева, ни угрозы – лишь холодная, почти апокалиптическая уверенность.

– Гриша, – его голос прозвучал как удар стали о камень, – мы сильны как никогда. «Кровавое воскресенье»? Это была лишь разминка, проверка сил. Но теперь... Ты и сам, я думаю, замечал: наши люди везде. Куда ни плюнь – попадёшь в нашего агента. Мы можем смести всё в один миг. Но в этом нет смысла – пепел не построит новое здание.

Он сделал шаг вперёд, и его шёпот приобрёл зловещую мощь:

– Нужна революция. Чтобы весь народ поднялся с нами. И когда это случится... Кем ты будешь тогда? Никем. А твои новые «братья» из дворцов и храмов... – Иван презрительно усмехнулся. – Они не помогут. Мы сметём их вместе с миром, который они так яростно защищают.

Его глаза сверкнули фанатичным огнём:

– Мы готовы на большее. На грандиозное. И ты – полный дурак, если откажешься идти с теми, кто держит в руках будущее.

Григорий усмехнулся про себя. В своём порыве, в желании запугать и продемонстрировать мощь, Иван рассказал ему всё, что ему нужно было знать. *«Вот что их, возможно, и погубит»*, – промелькнуло в голове у Распутина, – *«Эта страсть к громким речам, к бахвальству своими планами»*.

Он старался не показывать и тени радости на лице. Вместо этого его плечи слегка ссутулились, взгляд потух, а голос, когда он заговорил, звучал тихо и покорно, словно человека, сломленного и признавшего своё поражение в этой словесной дуэли.

– Говори, что делать? – произнёс он, опустив глаза.

В этой показной покорности таился величайший расчёт. Теперь он знал их силу, их амбиции и их слабость. А игра только начиналась.

Глава 11. Сибирь. 1905 год.

Компания вернулась домой в тот же день. Василий Петрович был несказанно рад предстоящему приезду боевого товарища, друга и бывшего наставника. Но, услышав об успехах сына, он не мог сдержать эмоций – и не только потому, что Алексей блестяще справился с закупкой товаров и подготовкой к зиме, но и потому, что сын сумел наладить новые связи, экономно распорядиться средствами и заключить выгодные договоры на продажу. Барин сиял от гордости, а его походка стала легкой и пружинистой, словно у ребенка, получившего желанный подарок.

На следующий день имение закипело приготовлениями к приему гостей. Василий Петрович лично руководил всеми работами, не подпуская сына и приговаривая:

– Иди отдыхай, Лёшка, я сам справлюсь. Прогуляйся с друзьями.

Из погребов и кладовых доставались лучшие запасы: окорока собственного копчения, бочки с мочеными яблоками и капустой, отборные крупы и мука для свежей выпечки.

Рыбаков Василий Петрович ещё с вечера отправил за байкальским омулем – рыбой, считавшейся не только лучшей в империи, но и одной из вкуснейших в мире. Её нежное, почти маслянистое мясо было настоящим деликатесом.

Кухня работала без остановки: пекли пироги с разными начинками, готовили студень, жарили дичь, припасенную с осенней охоты. В доме начищали до блеска серебро, доставали праздничный фарфор, перестилали скатерти. В воздухе витал аромат свежее испеченного хлеба, ладана и предвкушения торжества.

К тому же барин распорядился выдать жителям имения настойку из лесных ягод. «Если барин празднует, то и людям надо дать отдохнуть», – считал он. Эта традиция делала народ спокойнее, и дурные мысли не лезли в головы.

– Лёшка, во сколько они приедут, точно не говорили? – спросил Василий Петрович у сына.

– Точно не сказали, но говорили, что сегодня будут подписывать документы, а завтра с утра отправятся в путь. Значит, к обеду будут у нас, – ответил Алексей.

– Что ж, хорошо. С дороги дадим им отдохнуть, а потом устроим праздничный ужин, – сказал барин и подозвал управляющего. – Значит, Всеволод, слушай внимательно. В ночь приедут рыбаки – к завтрашнему застолью должны быть готовы омуль холодного и горячего копчения. Едут втроём: для мужа и жены гостевые покои подготовить, да чтоб всё чин-чином было. Для дочери – покои поменьше, отдельные. Пусть чувствуют себя комфортно. На кухне проследи, чтоб всё было готово. Накрывать стол на пять персон. Я сяду во главе стола, как и друг мой, но с другой стороны.

Василий Петрович многозначительно поднял палец:

– Подготовь также место на веранде. Мы обязательно захотим выйти и побеседовать с ним за бутылочкой выдержанного французского коньяка. И подготовь лучший табак – тот, гаванский, что мне подарили. Надеюсь, всё хранилось, как я требовал.

– Разумеется, Василий Петрович, – управляющий даже брови возмущённо приподнял. – Я хоть раз вас подводил?

– Да нет, нет, – барин замахал руками, понимая, что задел верного человека. – Не переживай я так, не оскорбляю тебя, управленец мой. Просто не каждый день друг приезжает, которого так давно не видел. В грязь лицом упасть – никак нельзя!

Вечером все легли спать. Василий Петрович ещё долго ворочался, мысленно проверяя, ничего ли не упустил, но усталость взяла своё – сон накрыл его тяжёлым, но благодатным покрывалом.

С утра всё имение жило в предвкушении торжества. В воздухе витало радостное ожидание скорого праздника. Настроение у всех было приподнятым, а прекрасное осеннее солнце, сиявшее в безоблачном небе, словно благословляло грядущий день.

Алексей, Гриня и Прохор стояли на веранде, наслаждаясь утренним солнцем. Они болтали о пустяках – о том, как Гриня вчера чуть не упал с лестницы, таская тяжёлый сундук, о том, как Прохор помогал кухарке колоть дрова и чуть не разнёс поленницу одним ударом. Смех их был простым и искренним.

Алексей вздохнул, глядя на друзей:

– Жаль, что не будете со мной в этот вечер за столом. Хотел бы я, чтобы вы сидели рядом, но... таковы правила.

– Да не расстраивайся, Леша! – Прохор хлопнул его по плечу. – Мы с отцом Матвеем и Всеволодом себе отдельный стол готовим. Ох, и погуляем! Управляющий, как напьётся, такую пургу несёт, что не можешь перестать смеяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.